

В. А. Томсинов

**«Не ходите туда – там Смерть
с надписью на лбу Свобода!»
*Уроки февральско-мартовской
«революции» 1917 года в России***

Публикуется в журнале:

Законодательство. 2017.

№ 3. С. 85–94. № 4. С. 87–94. № 5. С. 87–94. № 6. С. 87–94.
№ 7. С. 87–94.

I

Катастрофические для государственности Российской империи события, произошедшие в конце февраля – начале марта 1917 г., до сих пор и столетие спустя вызывают массу вопросов и в целом составляют неразгаданную тайну. Их называют «революцией», но если для такого определения есть основания, то нельзя не признать, что это была очень странная революция — пожалуй, самая необычная революция в мировой истории. Ее странность выступает особенно выпукло в том случае, если посмотреть на нее с **юридической** точки зрения.

Такой взгляд прежде всего предполагает оценку революционных событий через призму существующего правопорядка. Любая революция нарушает его и потому с юридической точки зрения в первую очередь является **преступлением**.

Любая революция есть неповиновение народных масс официальной государственной власти и в силу своей масштабности их выступления всегда оказываются наиболее заметным революционным событием. Однако часто они представляют собой всего лишь внешнюю сторону революции, скрывающую феномен значительно более существенный. Таким феноменом является измена высших должностных лиц своему государству, их отказ соблюдать нормы конституции и других законов, подчиняться воле носителя верховной государственной власти, исполнять его указы и распоряжения. Все это влечет за собой разрушение государства.

Однако и в английской революции 1640–1660 гг., и в революции 70–80-х гг. XVIII в. в Северной Америке, а еще более в процессе Великой французской революции 1789–1795 гг. одновременно с неистовым стремлением разрушить исторически сложившийся правопорядок и государственный строй проявлялось и упорное желание построить взамен старого иной правопорядок и основать новое государство или, во всяком случае, заложить фундамент для их создания. И английские, и американские, и французские революционеры, поднимаясь на революцию, имели в своем распоряжении проект или модель нового государственно-правового устройства своей страны. Во всяком случае, у них сложились вполне

определенные представления о том, каким оно может стать. Еще более целеустремленными и планомерными в своей разрушительной и созидательной деятельности были российские революционеры-большевики. Октябрьская революция 1917 г. в России совершенно заслуженно была названа великой.

Не такой была февральско-мартовская революция 1917 г. Она оказалась, в сущности, своей революцией без революционеров и без проекта революционного переустройства общества. Это осознали в конце концов, уже в эмиграции, и некоторые активные ее участники, не утратившие в пылу борьбы с самодержавием здравого смысла.

Одним из таких людей был Василий Алексеевич Маклаков (1869–1957). 5 сентября 1921 г. он писал Б.А. Бахметеву: «Во время революции мы оказались свободны. Нам никто не мешал; нужно было не только разрушать, но и строить; тут невозможна была одна программа: долой. Но наша программа свелась к одному отрицанию... Я опять прихожу к трагическому выводу: если я с ненавистью и презрением отношусь к “великой” мартовской революции и с негодованием к претензии заставить ей поклоняться, то скажу совершенно обратное про октябрьскую. Октябрьская революция — настоящая революция. Не будь ее, мартовская прошла бы как маленький эпизод, который скоро кончился бы реставрацией... Октябрьская революция дала все, что полагается дать революции — и программу, и дерзновение, и смелость убежденных и верящих людей. К ним, конечно, как всегда примазались мерзавцы; они бывают всегда, но в октябрьской революции были и настоящие сильные люди — революционеры. Конечно, она явилась со всем тем, что я вообще не люблю в революции, но это было все-таки то, что отличает Революцию от шалости и балагана. Если история когда-либо и признает значение, то это октябрьской, а не мартовской революции»¹.

Особенностью февральско-мартовской революции 1917 г. в России было наличие среди ее участников большого количества интеллектуалов. Не сумев стать успешными революционерами, они сделали плодотворными писателями, историками, аналитиками и создали об этой революции такую обширную литературу, какой не

¹ «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А.Бахметев — В.А.Маклаков. Переписка. 1919–1951. В 3-х томах. Т. 1. Август 1919 — сентябрь 1921. М., 2001. С. 478–479.

удостоилась никакая другая революция. Но парадокс — при этом февральско-мартовская революция оказалась настолько бедной идеями, что вполне заслуженно может быть названа безыдейной. У нее была как будто всего одна идея, которая являлась одновременно и оправданием ее, и главным смыслом, и главной ее целью. Это была **идея свободы**. «Великий русский народ разорвал, наконец, опутывавшую его сеть векового рабства и открыл себе дорогу к новой свободной жизни», — такими патетическими словами описывалось падение самодержавия в передовой статье вышедшей в начале марта 1917 г. второй книжки журнала «Вестник Европы». Заканчивалась эта публикация выражением надежды, что «перед Россией открывается светлое будущее» и восклицанием: «Да здравствует свободная Россия»².

При этом многие события, составившие в своей совокупности то, что было названо февральско-мартовской революцией 1917 г., являлись не чем иным, как преступлениями, причем в большинстве своем тяжкими. Ведь именно к такого рода деяниям относятся акты массового неповиновения населения существующей власти, отказ должностных лиц, в том числе и весьма высоких, выполнять свой государственный долг, грубые и широкомасштабные нарушения действующего правопорядка, насильственные захваты зданий, случаи самоуправства, бесчинств, жестоких убийств, наглых разбоев и грабежей и т.п. Любопытно, что в официальных документах эти события поначалу назывались именно терминами, которыми обозначаются преступные по своему составу деяния. *Каким же образом они превратились в революцию? В какой момент произошла данная метаморфоза?*

Этот вопрос составляет самую главную тайну явления, называемого февральско-мартовской «революцией» 1917 г. в России. Трактовка волнений, бунтов, мятежей в качестве революции давала оправдание убийствам, разбоям, грабежам. Эти действия переставали считаться преступлениями и начинали рассматриваться в качестве актов революционного возмездия. **Идея свободы, став революционной, изменила содержание, и вместо свободы жить утвердилась свобода убивать жизнь.**

² Государственный переворот 17 февраля - 2 февраля 1917 года // Вестник Европы. 1917. Кн. 2. С. V.

* * *

Главные события февральско-мартовской «революции» произошли в период с 23 февраля /8 марта по 4/17 марта 1917 г. Это время стало роковым для российской монархии. 23 февраля / 8 марта, на следующий день после отъезда императора Николая II из Царского Села в Могилев, в Петрограде начались забастовки рабочих и демонстрации женщин с требованием «хлеба». На Петроградские улицы вышло тогда около 100 тысяч человек. 24 февраля в уличных волнениях участвовало уже от 160 до 200 тысяч человек. 25 февраля еще больше – около 240 тысяч. В этот день на петроградских улицах появились первые убитые.

25 февраля /10 марта в 17 часов 40 минут начальник Петроградского военного округа генерал-лейтенант С.С. Хабалов отправил зашифрованной телеграммой в Могилев, в Ставку Верховного главнокомандующего, следующее сообщение: «Доношу, что 23 и 24 февраля, вследствие недостатка хлеба на многих заводах возникла забастовка. 24 февраля бастовало около 200 тысяч рабочих, которые насильственно снимали работавших. Движение трамвая рабочими было прекращено. В середине дня 23 и 24 февраля часть рабочих прорвалась к Невскому, откуда была разогнана. Насильственные действия выразились разбитием стекол в нескольких лавках и трамваях. Оружие войсками не употреблялось, четыре чина полиции получили неопасные поранения. Сегодня, 25 февраля, попытки рабочих проникнуть на Невский успешно парализуются. Прорвавшаяся часть разгоняется казаками. Утром полицмейстеру Выборгского района сломали руку и нанесли в голову рану тупым орудием. Около трех часов дня на Знаменской площади убит при рассеянии толпы пристав Крылов. Толпа рассеяна»⁴.

Определение уличных происшествий в Петрограде как революционных генерал Хабалов впервые дал в своем доношении в Ставку 26 февраля. В телеграмме, посланной в этот день в 13 часов 5 минут в Могилев начальнику штаба Верховного главнокомандующего

³ В России в то время действовал Юлианский календарь, отстававший от Григорианского календаря, применявшегося в Европе, на 13 дней.

⁴ Телеграмма главного начальника Петроградского военного округа генерала Хабалова начальнику штаба верховного главнокомандующего генералу Алексееву 25 февраля 1917 г. № 486 // Красный архив. 1927. № 2 (21). С. 4.

генералу Алексееву он представил следующее описание происходившего в столице: «Доношу, что в течение второй половины 25 февраля толпы рабочих, собиравшиеся на Знаменской площади и у Казанского собора, были неоднократно разгоняемы полицией и воинскими чинами. Около 17 часов у Гостиного двора демонстранты запели революционные песни и выкинули красные флаги с надписями: «Долой войну!» На предупреждение, что против них будет применено оружие, из толпы раздалось несколько револьверных выстрелов, одним из коих был ранен в голову рядовой 9 запасного кавалерийского полка. Взвод драгун спешился и открыл огонь по толпе, причем убито трое и ранено десять человек. Толпа мгновенно рассеялась. Около 18 часов в наряд конных жандармов была брошена граната, которой ранены один жандарм и лошадь. Вечер прошел относительно спокойно. 25 февраля бастовало двести сорок тысяч рабочих. Мною выпущено объявление, воспрещающее скопление народа на улицах и подтверждающее населению, что всякое проявление беспорядка будет подавляться силою оружия. Сегодня, 26 февраля, с утра в городе спокойно»⁵.

27 февраля / 12 марта в полдень генерал Хабалов направил государю в Ставку телеграмму, в которой сообщил о начале бунта размещенных в Петрограде солдат запасных гвардейских батальонов: «Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что 26 февраля рота эвакуированных запасного батальона лейб-гвардии Павловского полка объявила командиру роты, что она не будет стрелять в народ. Рота обезоружена и арестована. Дознание производится. Командир батальона полковник Экстен ранен неизвестным из толпы. Сегодня 27 февраля учебная команда запасного батальона лейб-гвардии Волынского полка отказалась выходить против бунтующих, вследствие чего начальник ее застрелился⁶, затем вместе с ротой эвакуированных того же батальона направилась частью к расположению лейб-гвардии Литовского и

⁵ Телеграмма генерала Хабалова генералу Алексееву 26 февраля 1917 г. № 3703 // Красный архив. 1927. № 2 (21). С. 5.

⁶ В данном случае имеется в виду штабс-капитан Лашкевич, который на самом деле не застрелился, а был застрелен взбунтовавшими солдатами учебной команды запасного батальона Волынского полка. Наиболее точно этот эпизод описан его очевидцами в книге: Как началась революция 1917 года? Очерк, написанный солдатами учебной команды Волынского полка. Пг., 1917. С. 21–22.

частью лейб-гвардии Преображенского баталионов, где к ним присоединилась рота эвакуированных последнего баталиона. Принимаю все меры, которые мне доступны, для подавления бунта. Полагаю необходимым прислать немедленно надежные части с фронта»⁷.

Примерно в то же самое время свою телеграмму императору Николаю II послал и председатель Государственной Думы М.В. Родзянко. Он также сообщил о начале военного бунта, но увидел в нем признаки значительно более разрушительного для общества и государства явления. «Правительство совершенно бессильно подавить беспорядок, — утверждал Родзянко. — На войска гарнизона надежды нет. Запасные батальоны гвардейских полков охвачены бунтом. Убивают офицеров. Примкнув к толпе и народному движению, они направляются к дому министерства внутренних дел и Государственной Думе. *Гражданская война началась и разгорается*»⁸ (курсив мой. — В.Т).

Царское правительство в этих условиях фактически прекратило свою работу. 27 февраля министры собрались еще раз, но никаких мер к восстановлению порядка в мятежном Петрограде не приняли. Это было их последнее заседание.

Государственная же Дума с 27 февраля не могла не только действовать, но даже и просто собраться на законных основаниях, поскольку указом Николая II, датированным 25 февраля, ее работа была приостановлена⁹. Председатель Думы получил текст этого указа от председателя Совета министров князя Н.Д. Голицына в ночь с 26 на 27 февраля и утром зачитал его депутатам, собравшимся в Белом зале.

Узнав о приостановке работы Государственной Думы, депутаты решили формально подчиниться, а фактически продолжать свою деятельность. По воспоминаниям П.Н. Милюкова, вместо зал

⁷ Телеграмма генерала Хабалова царю 27 февраля 1917 г. № 56 // Красный архив. 1927. № 2 (21). С. 8.

⁸ Телеграмма Родзянко царю 27 февраля 1917 г. // Там же. С. 6.

⁹ Данный указ, исходивший из царской Ставки, гласил: «На основании статьи 99 Основных государственных законов повелеваем: занятия Государственной Думы и Государственного Совета прервать 26 февраля сего года и назначить срок их возобновления не позднее 1917 года, в зависимости от чрезвычайных обстоятельств. Правительствующий Сенат не оставит к исполнению сего учинить надлежащее распоряжение» (цит. по: Шульгин В.В. Последний очевидец. Мемуары. Очерки. Сны. М., 2002. С. 429).

заседаний Таврического дворца они «перешли в соседнюю полуциркульную залу (за председательской трибуной) и там обсудили создавшееся положение»¹⁰. После дискуссий приняли решение поручить Совету старейшин Думы (сеньорен-конвент) выбрать Временный комитет из депутатов Государственной Думы.

Собравшись приблизительно в полдень, Совет старейшин принял сначала два постановления: 1) «Государственной Думе не расходиться. Всем депутатам оставаться на своих местах» и 2) «Основным лозунгом момента является упразднение старой власти и замена ее новой. В деле осуществления этого Гос[ударственная] Дума примет живейшее участие, но для этого прежде всего необходимы порядок и спокойствие»¹¹.

В третьем часу дня 27 февраля совет старейшин Государственной Думы Совет старейшин избрал ВКГД в составе 12 человек: М.В. Родзянко (председатель, земец-октябрист), П.В. Некрасов (товарищ председателя, кадет), А.И. Коновалов (прогрессист), И.И. Дмитрюков (земец-октябрист), А.Ф. Керенский (от фракции трудовиков), Н.С. Чхеидзе (от фракции меньшевиков), В.В. Шульгин (член прогрессивной группы националистов), С.И. Шидловский (октябрист), П.П. Миллюков (кадет), М.А. Караулов (независимый), В.Н. Львов (центр) и В.А. Ржевский (прогрессист). Этот список, опубликованный вечером 27 февраля в газете «Известия Комитета петроградских журналистов», фактически предопределил основной состав будущего нового правительства России, которое стали называть «Временным».

Данное решение Совета старейшин было обсуждено во фракциях Государственной Думы и затем вынесено на утверждение частного совещания депутатов, которое собралось в 17 часов. Спустя полчаса сообщение о создании Временного комитета Государственной Думы со списком его членов уже расклеивалось на улицах и зачитывалось солдатам.

В 9 часов вечера 27 февраля в Таврическом дворце открылось первое заседание Совета рабочих депутатов, на котором было

¹⁰ Миллюков П.Н. История второй русской революции. Том 1. Вып. 1. Противоречия революции. София, 1921. С. 41.

¹¹ Цит. По: Николаев А.Б. Революция и власть: Государственная Дума IV созыва 27 февраля – 3 марта 1917 г. Дисс... доктора истор. наук. СПб., 2005. С. 193.

принято решение о включении в этот орган представителей от полков.

Приблизительно тогда же началось заседание и Временного комитета Государственной Думы, на котором его членами было принято воззвание, объявлявшее, что «при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства», комитет «нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка». В конце этого документа выражалась уверенность в том, что население и армия помогут комитету «в трудной задаче создания нового правительства, соответствующего желанием населения и могущего пользоваться его доверием»¹².

Утром 28 февраля вышел в свет тиражом более 200 000 экземпляров первый номер советской газеты «Известия», в котором объявлялось о том, что днем ранее «в столице образовался Совет рабочих депутатов из выборных представителей заводов и фабрик, восставших воинских частей, а также демократических и социалистических партий и групп», и что он, заседающий в Государственной думе, ставит своей основной задачей организацию народных сил и борьбу за окончательное упрочение политической свободы и народного правления в России»¹³.

П.Н. Милюков, сам вошедший во Временный комитет Государственной Думы, впоследствии высоко оценивал его роль. «Формальный переход власти к Временному комитету Государственной Думы с ее председателем во главе, и ликвидация старого правительства чрезвычайно ускорили и упростили дальнейший ход переворота, — утверждал он. — Одна за другой воинские части, расположенные в Петрограде и в его ближайших окрестностях, уже в полном составе, с офицерами и в полном порядке, переходили на сторону Государственной Думы. Члены Государственной Думы разъезжали по казармам, осведомляя гарнизон

¹² От Исполнительного комитета Государственной Думы // Вестник Временного правительства. 1917. № 1 (47). 5 (18) марта. С.1.

¹³ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций. В 5 томах. Том 1. 27 февраля – 31 марта 1917 года. Л., 1991. С. 21.

о совершившемся, и части войск в течение следующих дней непрерывно подходили к Государственной Думе, приветствуемые председателем и членами Временного комитета. Государственная Дума сделалась центром паломничества. Она сохранила эту роль и после того, как правительство через несколько дней перенесло свои заседания в Мариинский дворец, предоставив Таврический дворец в распоряжение Совета рабочих и солдатских депутатов»¹⁴.

В действительности Временный комитет Государственной Думы реальной власти не получил. А рядом с ним, в том же здании, располагался Совет рабочих и солдатских депутатов, который обладал действительной силой и мог бы взять на себя всю полноту власти, но не имел для этого необходимой легитимности. Единственным легитимным органом власти в Петрограде в глазах населения была в то время Государственная Дума. Решение ее депутатов не расходиться и создать Временный комитет для восстановления общественного порядка было воспринято бунтовщиками в качестве явного свидетельства о том, что их поддержала Государственная Дума.

Это коренным образом меняло ситуацию. Бунт превращался в революцию. Выступая 18 июля 1917 г. на частном совещании депутатов член фракции прогрессистов депутат А.М. Масленников привел этот случай в качестве доказательства того, что именно Государственная Дума превратила солдатский бунт в революцию. «Вспомним, — говорил он, — как получилось то, что наша революция, вместо того чтобы создать свободную великую Россию, создала страну позора и предательства, над которой глумится весь мир. Господа, мы помним, как это сделалось. Мы помним, что когда 27 февраля взбунтовавшийся Волынский полк пришел сюда расстроенный, дезорганизованный, не в порядке, и когда прибежали толпы рабочих, плохо снабженных оружием, тоже дезорганизованных, и когда вожаки революции — Керенский, Скобелев и Чхеидзе — пришли в Думу и молили эту Думу о том, чтобы она возглавилась над этим восстанием, что **только в этом возглавлении и залог того, что в России будет революция**, а не солдатский бунт, который будет легко подавлен, Государственная дума это движение возглавила. Я не знаю, как вы, но в то время особыми надеждами себя не обольщал. Я думал, что это

¹⁴ Миллюков П.Н. История второй русской революции. Том 1. Вып. 1. С. 44.

дело окончится тем, что этих взбунтовавшихся солдат легко усмирят, а некоторых из нас перевешают или сошлют в Сибирь. Но Николай довел свое царствование до такого позора, что лучше было погибнуть, умереть, чем оставаться далее подданными этого нелепого деспота. Господа, **благодаря тому что Дума стала во главе, вместо солдатского бунта, легко подавляемого, действительно совершилась революция»**¹⁵ (выделено мною. — В.Т.).

День 27 февраля стал переломным днем в Петроградских событиях конца февраля – начала марта 1917 г. До этого дня все движение на улицах Петрограда, сколь бы массовым оно ни было, являлось всего лишь цепью преступлений. И особенно тяжкими преступлениями считались бунты солдат, не желавших ехать на фронт и убивавших тех своих командиров, которые призывали их к порядку. Впрочем, бунтующие и сами вполне сознавали преступный характер своего поведения. Именно поэтому совершив преступление, они шли к Таврическому дворцу, где располагалась Государственная Дума и готовы были охотно ей подчиниться.

Согласившись взять на себя руководство этим преступным движением, думские депутаты превращали совершенные бунтовщиками преступления, причем и самые тяжкие, в революцию.

Эту удивительную метаморфозу февральских событий в Петрограде хорошо понимал их очевидец член Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов В.Б. Станкевич. В своих воспоминаниях, опубликованных спустя три года в Берлине он пояснял влечение бунтовщиков к Государственной Думе: «Дело было в том, что солдаты, нарушив дисциплину и выйдя из казарм не только без офицеров, но и помимо офицеров, *даже убивая их, исполняющих свой долг*, оказалось, по официальной, повсеместной, всенародной и обязательной для самих офицеров терминологии, *совершили великий подвиг освобождения»*¹⁶ (курсив мой. — В.Т.).

Зловещая роль Государственной Думы в событиях конца февраля – начала марта 1917 г. станет еще более выпуклой, если принять во внимание, какие страшные преступления были скрыты завесой

¹⁵ Буржуазия и помещики в 1917 году: частные совещания членов Государственной думы / Под редакцией А.К. Дрезена, с предисловием З.Б. Лозинского. М.;Л., 1932. С. 196.

¹⁶ Станкевич В.Б. Воспоминания 1914–1919 г. Берлин, 1920. С. 72.

революции. Об этих преступлениях было хорошо осведомлен генерал К.И. Глобачев, занимавший в февральские дни 1917 г. должность начальника Петроградского охранного отделения. «Те зверства, которые совершались взбунтовавшейся чернью в февральские дни по отношению к чинам полиции, корпуса жандармов и даже строевых офицеров, не поддаются описанию, — свидетельствовал он в своих воспоминаниях, названных «Правда о русской революции», — Они нисколько не уступают тому, что впоследствии проделывали над своими жертвами большевики в своих чрезвычайках. Я говорю только о Петрограде, не упоминая уже о том, что, как всем уже теперь известно, творилось в Кронштадте. Городовых, прятавшихся по подвалам и чердакам, буквально раздирали на части: некоторых распинали у стен, некоторых разрывали на две части, привязав за ноги к двум автомобилям, некоторых изрубали шашками. Были случаи, что арестованных чинов полиции и жандармов не доводили до мест заключения, а расстреливали на набережной Невы, а затем сваливали трупы в проруби. Кто из чинов полиции не успел переодеться в штатское платье и скрыться, тех беспощадно убивали. Одного, например, пристава привязали веревками к решетке и вместе с нею живым сожгли. Пристава Новодеревенского участка, только что перенесшего тяжелую операцию удаления аппендицита, вытащили с постели и выбросили на улицу, где он сейчас же умер»¹⁷.

Настойчивое до неистовости преследование так называемыми «революционерами» полицейских выдавало в них закоренелых преступников, но вместе с тем было явным свидетельством того, что этих убийц направляли те, кто стремился разрушить государство. Ведь полицейские являются одной из опор государственности и правопорядка: они необходимы при любом политическом режиме. Многие факты свидетельствуют, что они и в тяжелейших условиях, когда не только улицы, но и целые города российские оказались во власти преступников, сохраняли свою приверженность государству, служению которому посвятили свою жизнь. «Среди общей подлости одни полицейские вели себя героями, — отмечал в своем дневнике полковник Ф.В. Винберг. — Это единственное благородное

¹⁷ Глобачев К.И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009. С. 130.

воспоминание, оставшееся у меня. Их подвергали изощренным издевательствам и мучениям, а они не поддавались и так стойко, так гордо погибали!»¹⁸.

Придав массовым и жестоким преступлениям, творившимся в отношении представителей государственной власти, характер революционных подвигов во имя свободы и разрушив тем самым правопорядок, Государственная Дума оказалась неспособной взять на себя функцию его восстановления.

По мнению В.Б. Станкевича, ни Временный комитет Дума, ни Государственная Дума в целом не могли в тех условиях стать во главе массового движения. Объясняя ситуацию, сложившуюся в конце февраля 1917 г. в Петрограде, он писал: «Обычно историю первых дней революции представляют в виде разлада между Советом Рабочих и Солдатских Депутатов и Временным Комитетом Думы. Действительно, противоположность между обеими организациями сказывалась с каждым днем принципиальнее и глубже по существу и ощутительнее во вне. В сущности, только формальная связь личности Керенского соединяла оба института, оспарившие друг у друга руководство революционным движением. Но Временный Комитет Думы имел слишком законченную и определенную идеологию, стремился к слишком отчетливой и напоминающей старую организации власти, чтобы вместить в себя бурный наплыв революционной стихии, чтобы долго находиться на его гребне. *Напрасно он оказывал революции громадные услуги, покорив ей сразу весь фронт и все офицерство.* Он сам немедленно не сметался даже, а просто затапливался стихией, забывался. Ведь даже в Таврическом дворце он был сравнительно мало заметным. Образование Временного правительства мало изменило положение дела»¹⁹ (курсив мой. – В.Т.).

27 апреля 1917 г. бывший член Временного комитета Государственной думы В.В. Шульгин, выступая в соединенном заседании оставшихся депутатов четырех Дум, счел необходимым заметить: «Не скажу, чтобы вся Дума целиком желала революции. Это было бы неправдой... Но даже не желая этого, мы революцию творили... Нам от этой революции не отречься, мы с ней спаялись и

¹⁸ Винберг Ф.В. В плену у «обезьян» (Записки «контрреволюционера»). Ч. 1. Киев, 1918. С. 171.

¹⁹ Станкевич В.Б. Воспоминания 1914–1919 г. С. 73.

несем за это моральную ответственность»²⁰. К этому покаянному признанию Василий Витальевич добавил фразу, которая показывает глубину его раскаяния. «Этими словами, — написал он, — я заканчиваю повествование об одной величайшей для меня трагедии в истории человечества»²¹.

Едва только был сформирован Временный комитет Государственной Думы, как начались аресты членов прежнего правительства. С утра 28 февраля в Таврический дворец стали доставлять под конвоем бывших министров. Арестовали Б.В. Штюрмера, который с 20 января по 10 ноября являлся председателем Совета министров. Вечером в тот же день привезли во дворец И.Л. Горемыкина, который возглавлял правительство до него. Задержали и двух бывших министров внутренних дел: А.Д. Протопопова, который занимал этот пост с 20 декабря 1916 г., и А.А. Макарова, который был главой министерства внутренних дел с 20 сентября 1911 г. по 16 декабря 1912 г., а в 1916 г., с 7 июля по 20 декабря, являлся министром юстиции.

Переход Государственной Думы в лице ее Комитета на сторону бунтовавших и отстранение от власти царского правительства заставил говорить о революции и ее председателя М.В. Родзянко. 1 марта Михаил Владимирович сказал в разговоре по прямому проводу с генерал-адъютантом Рузским: «Очевидно, что его величество и вы не отдаете отчета в том, что здесь происходит. Настала одна из страшнейших революций, побороть которую будет не так-то легко»²². На следующий день генерал Лукомский телеграммой сообщил начальникам штабов фронтов: «Ожидается разрешение на опубликование высочайшего акта, который должен успокоить население, предотвратить ужасы революции»²³.

Ранним утром 1 марта М.В. Родзянко направил в Ставку, генерал-адъютанту М.В. Алексееву следующую телеграмму: «Временный Комитет членов Государственной Думы сообщает вашему высокопревосходительству, что в виду устранения от управления

²⁰ Шульгин В.В. Последний очевидец. Мемуары. Очерки. Сны. С. 430.

²¹ Там же.

²² Разговор по прямому проводу генерала Рузского с Родзянко 1 марта 1917 г. // Красный архив. 1927. № 2 (21). С. 56.

²³ Телеграмма генерала Лукомского начальникам штабов фронтов 2 марта 1917 г. № 1884 // Там же. С. 76.

всего состава бывшего Совета Министров правительственная власть перешла в настоящее время к Временному Комитету Государственной Думы»²⁴. Подписал эту телеграмму Родзянко как председатель Государственной Думы. Вероятно, для того, чтобы сделать сообщенную начальнику штаба Верховного главнокомандующего ложь более убедительной. Такую же ложь он сообщил командующему Западным фронтом генерал-адъютанту А.Е. Эверту²⁵.

На самом деле после свержения царского правительства власть осталась на улицах Петрограда и ни к кому не перешла, тем более – к Временному комитету Государственной Думы, к которому и перейти не могла, поскольку он был всего лишь переходной формой Временного правительства.

2 марта члены Комитета решили, что настала пора им становиться министрами. На улицах Петрограда появилось весьма забавное сообщение. «Граждане! Временный Комитет Государственной Думы при содействии и сочувствии столичных войск и населения достиг в настоящее время такой степени успеха над темными силами старого режима, что он позволяет ему приступить к более прочному устройству исполнительной власти. Для этой цели Временный Комитет Государственной Думы назначает министрами первого общественного кабинета следующих лиц, доверие к которым страны обеспечено их прошлой общественной и политической деятельностью». Далее шел список министров. Под этим текстом стояла подпись: «Председатель Совета министров и Внутренних Дел князь Г.Е. Львов»²⁶.

На следующий день созданное взамен царского правительства так называемое «Временное правительство» выпустило декларацию оснований, которыми обещало руководиться в своей деятельности. Она представляла собой перечень мер, призванных устранить ограничения свободы в различных сферах общественной жизни:

«1. Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористическим покушениям, военным восстаниям и аграрным преступлениям и т.д.

²⁴ Телеграмма Родзянко генералу Алексееву 1 марта 1917 г. // Там же. С. 36.

²⁵ Там же. С. 37.

²⁶ Вестник Временного правительства. 1917. № 1. 5 (18) марта. С. 1.

2. Свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек с распространением политических свобод на военнослужащих в пределах, допускаемых военно-техническими условиями.

3. Отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений.

4. Немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны.

5. Замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления.

6. Выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

7. Неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении.

8. При сохранении строгой военной дисциплины в строю и при несении военной службы — устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам»²⁷.

Идеей свободы был заряжен буквально каждый пункт этого документа. Новоявленное правительство не бралось за восстановление правопорядка и воссоздание государства на новых началах, а планировало продолжение революции, которая понималась им как бесконечный путь в царство свободы.

До формирования Временного правительства В.А. Маклаков был комиссаром Временного комитета Государственной Думы в Министерстве юстиции, а потом занимался правотворческой деятельностью при Временном правительстве, в качестве сначала председателя Юридического совещания, затем — члена особого совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание. Казалось бы, уж он- то должен был знать, какие задачи и цели ставили перед собой отцы «февральско-мартовской революции» 1917 г. в России? Однако и спустя четыре года он оставался в недоумении, для чего понадобилось устраивать эту грандиозную катастрофу, разрушившую не просто государство Российской империи, но и традиционную Русскую цивилизацию. И

²⁷ От Временного правительства // Вестник Временного правительства. 5 (18) марта 1917 г. № 1 (47). С.1.

он не скрывал своего непонимания произошедшего. 30 августа 1921 г. Василий Алексеевич напишет в письме к Б.А. Бахметьеву: «Но я спрошу Вас, во имя каких идей была сделана революция, что ее сущность? Эти завоевания, за которые, может быть, история и поставит революцию в разряд светлых событий, еще не определились, не начали обнаруживаться. Они даже не провозглашены; ибо то, что было провозглашено, провалилось, и мы затруднились бы даже сказать, что именно было провозглашено, во имя чего и зачем революция была сделана. Во имя того ли, чтобы, сбросив плохое правительство, довести до победного конца национальную работу, т.е. во имя патриотизма, или, напротив, во имя пацифизма *qua mini*, для немедленного окончания общей войны? Что хотела мартовская революция — того или другого — Вы мне не скажете, ибо она не из-за этих вопросов была сделана. Или она была сделана для назревшей внутренней реформы? Но тогда какой? Республики, социализма, диктатуры пролетариата или полного и последовательного народовластия?»²⁸

А действительно: почему и ради чего русские люди весной 1917 года погубили свое государство — самое огромное и удивительное из всех, что существовали когда-либо на Земле? По какой такой причине всего за неделю они сокрушили ВЕЛИКУЮ ИМПЕРИЮ, которую потом и кровью, великими жертвами возводили, растили, развивали БОЛЕЕ ТЫСЯЧИ ЛЕТ?

II

В обращении Временного правительства к населению России, датированном 6-м марта 1917 г. и опубликованном на следующий день во втором номере «Вестника Временного правительства», произошедшая революция была представлена в виде стихийного народного восстания, освободившего Россию от гнета царского режима. «Граждане Российского государства! — объявлялось в этом документе. — Свершилось великое. Могучим порывом русского

²⁸ «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А.Бахметев — В.А.Маклаков. Переписка. 1919—1951. В 3-х томах. Т. 1. Август 1919 — сентябрь 1921. С. 471–472.

народа низвергнут старый порядок. Родилась новая свободная Россия»²⁹.

События, происходившие в столицах Российской империи в конце февраля – начале марта 1917 г., действительно создавали впечатление мощного людского цунами – стихийного и неуправляемого. Улицы Петрограда были заполнены толпами народа, протестовавшими против ухудшения условий своей жизни. Они и без поддержки солдат составляли внушительную силу, а в соединении с войсками, пусть и запасными, становились еще и агрессивной массой, способной диктовать свои требования любой правительственной власти.

Утром 3 марта председатель Государственной Думы М.В. Родзянко сообщал в телефонном разговоре командующему войсками Северного фронта генерал-адъютанту Н.В. Рузскому: «Вспыхнул неожиданно для всех нас такой солдатский бунт, которому еще подобных я не видел и которые, конечно, не солдаты, а просто взятые от сохи мужики, которые все свои мужицкие требования нашли полезным теперь же заявить. Только и слышно было в толпе: “Земли и воли”, “Долой династию”, “Долой Романовых” “Долой офицеров!” И началось во многих частях избиение офицеров; к этому присоединились рабочие, и анархия дошла до своего апогея»³⁰.

Массовые демонстрации проходили с 27 февраля и в Москве. Здесь также выступления горожан были поддержаны солдатами запасных воинских подразделениями. 1 марта в 13 часов 20 минут командующий Московским военным округом генерал от артиллерии И.И. Мрозовский телеграфировал начальнику штаба Верховного главнокомандующего генерал-адъютанту М.В. Алексееву: «Несколько тысяч артиллеристов 1-й запасной бригады на Ходынке захватили орудия и сараи с вооружением для формирований, часть коего передана революционерам. Громадное число учреждений, требующих охраны, большие толпы забастовщиков, большие расстояния и недостаток надежных войск препятствуют обезоружить бунтующих. Число воинских чинов, переходящих к революционерам,

²⁹ Вестник Временного правительства. 7 (20) марта 1917 г. № 2 (47). С.1.

³⁰ Разговор по прямому проводу ген. Рузского с Родзянко и кн. Львовым 3 марта 1917 г. в 8 ч. 45 м. // Красный архив. 1927. Том 22. С. 28.

все увеличивается»³¹. Спустя час, получив дополнительные сведения о волнениях в Москве, генерал Мрозовский сообщил: «В Москве полная революция. Военские части переходят на сторону революционеров»³².

Не только наблюдатели, но и многие активные участники событий так называемой «февральской революции» искренне считали ее стихийным народным движением. Социалист В.Б. Станкевич писал в 1920 г. о впечатлениях, которое вызывали у него толпы горожан и солдат, вышедшие в конце февраля 1917 г. на петроградские улицы: «Чувствовалось, что масса ушла не только от среднего общественного мнения, от кругов, которые в свою пользу оспаривали власть у старого правительства, но что она вообще никем не руководится, что она живет своими законами и ощущениями, которые не укладываются ни в одну идеологию, ни в одну организацию, которые вообще против всякой идеологии и организации, так как это по природе своей анархическая стихия»³³. Солдатские бунты Станкевич также считал стихийными. «Кто вызвал солдат на улицу? — восклицал он и категорично заявлял: — Ни одна партия, при всем желании присвоить себе эту честь, не могла дать на это ответ. Кто мог предвидеть выступление? Как раз накануне его было собрание представителей левых партий, и большинству казалось, что движение идет на убыль, и что правительство победило. С каким лозунгом вышли солдаты? Они шли, повинувшись какому-то тайному голосу, и с видимым равнодушием и холодностью позволили потом навешивать на себя всевозможные лозунги. Кто вел их, когда они завоевывали Петроград, когда жгли Окружной Суд? Не политическая мысль, не революционный лозунг, не заговор и не бунт. А стихийное движение, сразу испепелившее всю старую власть без остатка: и в городах, и в провинции, и полицейскую, и военную, и власть самоуправлений. Неизвестное и таинственное и иррациональное, коренящееся в скованном виде в народных глубинах, вдруг засверкало штыками,

³¹ Телеграмма командующего войсками Московского военного округа генерала Мрозовского генералу Алексееву 1 марта 1917 г. № 8196 // Красный архив. 1927. № 2 (21). С. 45.

³² Телеграмма командующего войсками Московского военного округа генерала Мрозовского генералу Алексееву 1 марта 1917 г. № 8197 // Там же.

³³ Станкевич В.Б. Воспоминания 1914–1919 гг. Берлин, 1920. С. 76.

загремело выстрелами, загудело, заволновалось серыми толпами на улицах»³⁴.

Тем не менее внимательные наблюдатели улавливали в этом стихийном движении нечто весьма странное, не похожее на обыкновенную революцию. Странность так называемой «февральской революции» ясно осознавал Александр Блок. Он отсутствовал в Петрограде во время роковых событий, но вернувшись домой 19 марта 1917 года, многое о них узнал. А с 7 мая Блок работал в составе учрежденной Временным правительством «Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так военного и морского ведомств». Слушал допросы министров царского правительства, потом редактировал их тексты. 26 мая 1917 г. поэт занес в свою записную книжку заметку, выражавшую его сомнения в революционности произошедшего в России тремя месяцами ранее государственного переворота: «Если даже не было революции, т.е. то, что было, не было революцией, если революционный народ действительно только расселся у того же пирога, у которого сидела бюрократия, то это только усугубляет русскую трагедию. Чего вы от жизни ждете? Того, что, разрушив обветшалое, люди примутся планомерно за постройку нового? Так бывает только в газете или у Кареева в истории, а люди — создания живые и чудесные прежде всего»³⁵.

А днем ранее в дневнике А.А. Блока появилась еще более интересная запись: «Надо помнить, однако, что старая русская власть опиралась на глубокие свойства русской души, на свойства, которые заложены в гораздо большем количестве русских людей, в кругах гораздо более широких (и полностью или частями), чем принято думать, и чем полагается думать “по-революционному”. “Революционный народ” — понятие не вполне реальное. Не мог сразу сделаться революционным тот народ, для которого, в большинстве, крушение власти оказалось неожиданностью и “чудом”, скорее, просто неожиданностью, как крушение поезда ночью, как обвал моста под ногами, как падение дома. Революция предполагает волю; было

³⁴ Там же. С. 77.

³⁵ Блок А.А. Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 347.

ли действие воли? Было со стороны небольшой кучки лиц. Не знаю, была ли революция?»³⁶.

А.А. Блок знал о петроградских событиях конца февраля – начала марта 1917 г. не больше обыкновенного городского жителя, однако благодаря своей поэтической натуре сумел почувствовать в них главную суть или тайну. Народ не стремился к замене старого, традиционного государственного порядка на новый, не ждал крушения монархии. Его революционность – если она присутствовала в нем – была вторичной, возникшей после уже свершившейся «революции».

Народные волнения и даже бунты сами по себе не могли привести к крушению монархии. Чтобы оно произошло, должно было совершиться отречение императора Николая II от престола, причем такое, при котором престол остался бы свободным, не занятым новым императором. По целому ряду причин добиться такого результата было невероятно сложно.

Основные законы Российской империи предусматривали отречение, но только от **прав наследования** престола, а не от самого престола. Статья 37 Свода основных государственных законов издания 1906 года устанавливала, что при действии правил «о порядке наследия Престола лицу, имеющему на оный право, предоставляется свобода отрешиться от сего права в таких обстоятельствах, когда за сим не предстоит никакого затруднения в дальнейшем наследовании Престола»³⁷. Отречься от престола могло только лицо, стоявшее в очереди его наследников, и лишь при условии, если такое отречение не создавало никаких проблем для дальнейшего наследования престола.

Для царствовавшего императора Основные законы Российской империи не предусматривали ни малейшей возможности отречься от престола. Взойдя на престол он юридически прикреплялся к нему на все время своей жизни. И в таком порядке был глубокий смысл.

³⁶ Дневник Ал. Блока. 1917–1921 / Под редакцией П. Л. Медведева. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1928. С. 11–12.

³⁷ Свод законов Российской империи. Полный текст всех 16 томов, согласованный с последними продолжениями, постановлениями, изданными в порядке ст. 87 Зак[онов] Осн[овных], и позднейшими узаконениями. В пяти книгах / Под ред. и с примечаниями И.Д. Мордухай-Болтовского. Кн. 1. Т. 1–3. СПб., 1912. С. 3.

Согласно статье 57 Свода основных государственных законов издания 1906 года, «по вступлении на Престол, совершается священное коронование и миропомазание по чину Православной Греко-Российской церкви»³⁸. Примечанием № 1 к статье 58 было определено, что данный обряд должен был совершаться «в Московском Успенском Соборе в присутствии высших государственных правительств и сословий, по Высочайшему назначению к сему призываемых»³⁹.

В примечании № 2 к указанной статье предписывался следующий порядок священного коронования и миропомазания: «Император, пред совершением сего священного обряда, по обычаю древних Христианских Государей и Боговенчаных Его предков, произносит вслух верных Его подданных символ Православно-Кафолической веры и потом, по облечении в порфиру, по возложении на Себя короны и по восприятии скипетра и державы, призывает Царя Царствующих в установленной для сего молитве, с коленопреклонением: да наставит Его, вразумит и управит, в великом служении, яко Царя и Судию Царству Всероссийскому, да будет с Ним приседящая Божественному престолу премудрость, и да будет сердце Его в руку Божию, во еже вся устроити к пользе врученных Ему людей и к славе Божией, яко и в день суда Его непостыдно воздаст Ему слово»⁴⁰.

Статья 63 Свода основных государственных законов издания 1906 года устанавливала правило, по которому «император, Престолом Всероссийским обладающий», не мог исповедывать «никакой иной веры, кроме Православной»⁴¹. Статья 64 объявляла о том, что «Император, яко Христианский Государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры, и блюститель правоверия и всякого в церкви святой благочиния»⁴².

Приведенные статьи показывают, что власть императора регулировалась в Российской империи публично-правовыми законами и одновременно освящалась религиозным обрядом. Она

³⁸ Там же. С. 4. В Своде законов издания 1857 года статья о священном короновании и миропомазании была 35-й.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 5.

⁴² Там же.

имела священный характер и выступала как «великое служение». Император выступал одновременно и как персона (физическое тело), и как институт (политическое тело).

От власти такого рода невозможно было отречься частному лицу по собственному желанию и тем более по принуждению каких-либо сил. Единственным законным способом освобождения лица, взошедшего на престол, от бремени царской власти, в России могла быть лишь его смерть. Любые же попытки просто отстранить императора от престола, вели к возникновению нелегитимной власти, а значит — к разрушению государства.

Своеобразие юридической конструкции верховной государственной власти определила во многом и своеобразие произошедшей в России в конце февраля – начале марта 1917 г. революции. Ее необычность признавали и политики, являвшиеся непосредственными участниками роковых событий.

В 1918 г. в московском издательстве «Земля и воля» вышел в свет сборник статей под общим названием «Год русской революции (1917–1918 гг.)». Он открывался довольно объемным очерком бывшего народовольца и члена партии социалистов-революционеров Авраама Баха, посвященным февральско-мартовской революции 1917 года и ее последствиям. «Мы, российские социалисты, — признавался в нем автор, — долго ждали пришествия Революции, мы в меру наших сил — объективно говоря, весьма скромных — готовили ее и готовились к ней. А когда она пришла, мы были застигнуты врасплох и после кратковременной светлой радости, объединившей почти все население страны в праздновании всероссийских именин сердца, мы оказались **перед неизвестной величиной, огромной и страшной**»⁴³ (выделено мною. — В.Т.).

Подобное отношение к данной революции выражал и социалист В.Б. Станкевич, указывавший в своих воспоминаниях на странность атмосферы, воцарившейся в столичном обществе после падения самодержавия: *«Официально торжествовали, славословили революцию, кричали “ура” борцам за свободу, украшали себя бантами и ходили под красными знаменами... Дамы устраивали для солдат питательные пункты. Все говорили “мы”, “наша” революция, “наша” победа, “наша” свобода. Но в*

⁴³ Бах А.Н. Революция и социализм // Год русской революции (1917–1918 гг.). Сборник статей. М., 1918. С. 5.

душе, в разговорах наедине – ужасались, содрогались и чувствовали себя пленёнными враждебной стихией, идущей каким-то неведомым путем. Буржуазные круги Думы, в сущности, создававшие атмосферу, вызвавшую взрыв, были совершенно неподготовлены к “такому” взрыву»⁴⁴ (курсив мой. – В.Т.).

Участники судьбоносных для России событий февраля-марта 1917 года, (такие люди, как А.И. Гучков, М.В. Родзянко, П.Н. Милюков, М.В. Алексеев, В.Д. Набоков, В.В. Шульгин, А.Ф. Керенский, Г.Е. Львов, В.И. Гурко и др.), знавшие подлинную тайну крушения Российской империи, не могли рассказать в своих мемуарах, как все происходило на самом деле, поскольку это означало признаться в тяжком преступлении, причем не только против своего государя, но и против целого народа, против Русского государства и Русской цивилизации. Поэтому они о многом – и, конечно, самом главном – просто умолчали, многое исказили, а немало сюжетов даже придумали. Они не пытались оправдаться, потому что совершили такое преступление, которому оправдание найти невозможно. Они стремились скрыть тайные механизмы разрушения русской государственности, представив Российскую империю в виде здания, которое прогнило настолько, что не могло не рухнуть от малейшего толчка или даже прикосновения к нему, а то и просто само собою.

Сторонние же наблюдатели роковых событий, способные быть менее пристрастными, мало что понимали в смысле происходившего. Да и не могли понять. Хотя бы уже потому, что спектакль под названием «февральская революция» имел по меньшей мере два акта, которые проходили одновременно на двух сценах, отстоявших друг от друга на сотни километров: в императорском поезде и в Петрограде.

Поэтому огромный массив мемуаров, дневников, записок о так называемой «февральской революции», показывая в деталях, как разворачивалась трагедия крушения Российской империи, не проясняет, а запутывает ее фабулу. Борис Бьёркелунд, служивший в феврале 1917 года мичманом Русского Императорского Флота и бывший свидетелем событий, происходивших в то время в Петрограде и его окрестностях, при описании их спустя полвека в своих мемуарах счел необходимым заметить: «О революции, ее

⁴⁴ Станкевич В.Б. Воспоминания 1914–1919 гг. Берлин, 1920. С. 70–71.

причинах, развитии и течении написано более чем достаточно и со временем будет написано еще больше. За перо брались как ее сторонники, рассчитывавшие сделать карьеру и попасть в историю, так и противники, потерявшие все, вплоть до родины, и желавшие оправдаться перед потомством за совершенные ими глупости. Писали и “большие люди” в кавычках в силу слепого случая сыгравшие крупную роль, и мелкота, не игравшая никакой роли, но все-таки бывшая, “современником событий”. Большинство их теперь ушло в лучший мир, и все писания, мемуары, воспоминания слились в головах потомства в хаос, малопонятный и запутанный»⁴⁵.

Тем не менее свидетельства современников роковых для Российской империи событий помогают понять истинный смысл явления, названного «февральской революцией». Причем особую ценность в этом отношении представляют собой показания главных участников русской трагедии. Особенно в тех случаях, когда ими описываются события, свидетелями которых были не только они, но и другие люди, причем самых разных статусов и положений, политических воззрений и пристрастий. Кто-то из них по прошествии времени раскаялся в своем поведении, однако большинство до конца своих дней купалось в самодовольстве, не признавая за собою не только преступлений, но и ошибок. Последнее особенно заметно в воспоминаниях П.Н. Милюкова и А.Ф. Керенского. И любопытно, что именно они, пытаясь скрыть подлинную свою роль в русской трагедии, вольно или невольно больше всего проговорились о том, что на самом деле произошло.

Представляя вспыхнувший в конце февраля 1917 г. солдатский бунт в Петрограде, в полном соответствии с официальной идеологией Временного правительства, стихийным возмущением народных масс, лидер кадетов П.Н. Милюков вместе с тем делал замечания, показывающие организованность этой стихии. В книге «История второй русской революции», написанной вскоре после Октябрьской большевистской революции, Павел Николаевич утверждал, что к началу 1917 года в русском обществе «широко распространилось убеждение, что следующим шагом, который предстоит в ближайшем будущем, будет дворцовый переворот при содействии офицеров и

⁴⁵ Бьёркелунд Б.В. Воспоминания. СПб., 2013. С. 39.

войска» с целью добиться отречения императора Николая II в пользу цесаревича Алексея с назначением регентом на время его малолетства великого князя Михаила Александровича. Однако раньше, чем осуществился этот план, «переворот произошел не сверху, а снизу, не планомерно, а стихийно». Об этом Милюков говорил загадками и намеками: «Некоторым предвестием переворота было глухое брожение в рабочих массах, источник которого остается неясен, хотя этим источником, наверное, не были вожди социалистических партий, представленных в Государственной Думе. Здесь мы касаемся самого темного момента в истории русской революции. Будущий историк, наверное, прольет свет и на эту сторону дела; но современнику, далекому от этого фокуса общественного движения, остаются только догадки»⁴⁶.

Повествуя о роковых событиях февраля 1917 г., Милюков не раз отмечал, что выглядевшие внешне стихийными забастовки и волнения рабочих были на самом деле хорошо организованы. «Нужно, впрочем, сказать, — сообщал он, — что в общественном мнении более распространено было другое объяснение таинственного источника, из которого шло руководство рабочим движением. Этим источником считалась полиция — и, притом, специально полиция Л.Д. Протопопова. Общество было убеждено, что вместо того, чтобы *ожидать* революции, правительство предпочтет, как это сделал министр внутр[енних] дел Дурново в декабре 1905 года в Москве, *вызвать ее* искусственно и расстрелять ее на улице». После этих слов Милюков уверенно заявил: «Рука департамента полиции несомненно замечалась в забастовках не прекращавшихся на Петроградских фабриках, и даже в студенческих волнениях.

Как бы то ни было, откуда бы ни шли директивы, извне или изнутри, — из объективных фактов с бесспорностью вытекает, что подготовка к революционной вспышке весьма деятельно велась — особенно с начала 1917 года, — в рабочей среде и в казармах петроградского гарнизона. Застрельщиками должны были выступить рабочие»⁴⁷.

⁴⁶ Милюков П.Н. История второй русской революции. Том 1. Вып. 1. Противоречия революции. София, 1921. С. 36.

⁴⁷ Там же. С. 38.

Полемизируя с утверждениями В.Б. Станкевича в его воспоминаниях, опубликованных в 1920 г., что в конце февраля 1917 г. в Петрограде «масса двинулась сама, повинувшись какому безотчетному позыву», что февральская революция — это «стихийное движение, сразу испепелившее всю старую власть без остатка», Милюков сделал еще одно любопытное замечание: «Это и верно, и неверно. Верно, как общая характеристика движения 27 февраля. Неверно, как отрицание всякой руководящей руки в перевороте. Руководящая рука, несомненно была, только она исходила, очевидно, не от организованных левых политических партий»⁴⁸.

К сожалению, лукавый лидер кадетов не стал продолжать это признание, но мысль о том, что явление, названное «февральской революцией», было вызвано некой тайной политической силой, он высказал в предельно ясной форме, заявив: «Но во всяком случае, закулисная работа по подготовке революции так и осталась за кулисами»⁴⁹. Что в данном случае имелось в виду Милюковым, так и не было раскрыто. Но можно уверенно предполагать, что «закулисной работой по подготовке революции» он называл заговор. Но какой из них?

Чтение воспоминаний, дневников и писем людей, которые были так или иначе причастны к роковым для России событиям конца февраля — начала марта 1917 г., обнаруживает чрезвычайно удивительный факт, который, с одной стороны, проливает свет на истинное состояние российской государственности времен царствования Николая II, а с другой — показывает характер политической оппозиции, которая вела тогда борьбу за власть.

Факт этот заключается в том, что лидеры данной оппозиции — А.И. Гучков, М.В. Родзянко, П.Н. Милюков, Г.Е. Львов, В.М. Пуришкевич, А.Ф. Керенский и др. — считали главным способом завоевания власти заговор против своего императора и готовили его, вербуя себе сторонников и разрабатывая планы отстранения Николая II от власти. Но поскольку политическая оппозиция государю была весьма разнородной, состояла из множества самостоятельных группировок, то и готовился не один заговор на всех, а сразу несколько.

⁴⁸ Там же. С. 41.

⁴⁹ Там же. С. 40.

В головах лидеров конституционно-демократической партии, носившей также название «Партии народной свободы», замысел заговора возник еще в начале Первой мировой войны. Политическим идеалом этой партии являлась конституционная и парламентарная монархия, то есть монархический строй, при котором правительство будет ответственно перед парламентом и формироваться соответственно на основании результатов парламентских выборов. Только такой строй был способен, по мысли конституционных демократов, придать государственной власти необходимую для ведения войны силу.

В первом выпуске первого тома «Истории второй русской революции» лидер кадетов П.Н. Милюков признал, что идея государственного переворота появилась тогда, когда обнаружилась слабость самодержавной власти, ее неспособность эффективно решать проблемы, порожденные мировой войной. «Чтобы справиться со всеми этими явлениями ненормального времени, — писал он, — нужна была действительно военная диктатура, в какую и превратилось мало-помалу управление таких демократических стран, как Англия и Франция. У нас, наоборот, эти же самые явления создали для власти и закона — обстановку полного бессилия. Это бессилие власти чувствовалось уже при монархии. Оно и было причиной того, что умеренные элементы, понимавшие значение усиления власти для благополучного исхода войны, пошли на революционный переворот. Переворот этот, в сущности, был поставлен на очередь тогда, когда, весной 1915 года, стало общеизвестно то, что уже с первых месяцев войны русские войска терпят неудачи — и обречены на них впредь — вследствие полнейшей нашей неподготовленности, вследствие отсутствия в армии достаточного количества ружей, патронов, снарядов. Не одна Россия очутилась в этом положении. Но в других странах как ее союзников, так и ее противников, недостатки были быстро замечены и, в согласии с народным представительством, приняты были энергичные меры к усилению военной производительности и к поднятию военной техники. В то время как там, на Западе, получались поистине чудодейственные результаты этого дружного сотрудничества всей страны с властью, у нас весь пыл и энтузиазм

народного представительства, проявленный с самого начала войны, пропал даром»⁵⁰.

К осени 1916 года военная мощь России существенно возросла и ее положение на фронтах стабилизировалось. Однако русское общество явно устало от войны, в которой не видело большого смысла. Недовольство тяготами военного времени среди населения — в особенности, в крупных городах, стало заметно нарастать. С этого времени активизировалась и заговорщическая деятельность российских политиков — прежде всего тех, кто был связан с генералами.

Одним из них являлся А.И. Гучков. На допросе в Чрезвычайной следственной комиссии 2 августа 1917 г. Александр Иванович сообщил, что наиболее предпочтительной для России формой захвата власти считал военный переворот, совершаемый «не солдатскими массами, а воинскими частями»⁵¹. По его словам, «такой переворот явился бы с гарантиями быстроты, безболезненности, с наименьшими жертвами и наибольшей приемлемостью для страны»⁵². Сам он, по собственному признанию, «не только платонически сочувствовал этим действиям», но и принимал активные меры для того, чтобы можно было осуществить переворот данного рода. Следовательно Александр Иванович откровенно рассказал о том, что конкретно им намечалось: «План заключался в том (я только имен не буду называть), чтобы захватить, по дороге между Ставкой и Царским Селом, императорский поезд, вынудить отречение, затем одновременно, при посредстве воинских частей, на которые здесь, в Петрограде, можно было рассчитывать, арестовать существующее правительство и затем уже объявить как о перевороте, так и о лицах, которые возглавят собою правительство»⁵³.

Но самой любопытной формой заговора против императора Николая II стал интернациональный комплот с участием представителей союзных России держав — Великобритании и

⁵⁰ Миллюков П.Н. История второй русской революции. Том 1. Вып. 1. Противоречия революции. София, 1921. С. 23–24.

⁵¹ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства / Под ред. П.Е. Щеголева. Т. 6. М.-Л., 1926. С. 277.

⁵² Там же. С. 278.

⁵³ Там же. С. 278.

Франции. На него обратил внимание В.И. Ленин в первом своем очерке из серии «Письма из далека», написанном 7 марта 1917 года и напечатанном (со значительными сокращениями) в газете «Правда» 21 и 22 марта (3 и 4 апреля) 1917 г. Характеризуя кризис, приведший к февральско-мартовской революции, Владимир Ильич писал: «Но если поражения в начале войны играли роль отрицательного фактора, ускорившего взрыв, то *связь* англо-французского финансового капитала, англо-французского империализма с октябристско-кадетским капиталом России явилась фактором, ускорившим этот кризис путем прямо-таки *организации заговора* против Николая Романова... Весь ход событий февральско-мартовской революции показывает ясно, что английское и французское посольства с их агентами и “связями”, давно делавшие самые отчаянные усилия, чтобы помешать “сепаратным” соглашениям и сепаратному миру Николая Второго (и будем надеяться и добиваться этого — последнего) с Вильгельмом II, непосредственно организовывали заговор вместе с октябристами и кадетами, вместе с частью генералитета и офицерского состава армии и петербургского гарнизона особенно для *смещения* Николая Романова»⁵⁴. К сожалению, утверждения Ленина об активном участии представителей Англии и Франции в подготовке свержения Николая II с престола имели под собой основания.

Россия была самой свободной страной среди воевавших держав. Ни в одной из них свобода не доходила до степени, позволявшей прессе публиковать пасквилы против высших должностных лиц, императора и его семьи, а крупным промышленникам, политикам, генералам спокойно, не боясь арестов и предания суду, разрабатывать планы насильственного отстранения главы государства от власти. При этом ни в какой другой стране иностранные посольства не имели такой свободы враждебных действий относительно государства пребывания, какой они обладали в России. И все это дозволялось во время тяжелейших войн, которые вели против Российской империи ее злейшие исторические враги: открытую, на полях сражений — Германия и тайную, в самой России — Великобритания.

Явление, называемое «февральско-мартовской революцией», выросло, помимо прочего, и из этой удивительной свободы.

⁵⁴ Ленин В.И. Письма из далека. Письмо 1: первый этап первой революции // Полное собрание сочинений. Том 31. С. 15-16.

III

В любой революции есть что-то ненормальное, явно противоречащее здравому смыслу и необъяснимое ни с общеисторической, ни с юридической точки зрения. В революции, произошедшей в России в конце февраля – начале марта 1917 г., выходящим за рамки нормального кажется все, что составляло ее содержание. Непонятным выглядит поведение высших должностных лиц Российской империи, отказавшихся в роковые дни выполнять свой долг по поддержанию правопорядка и охране государственного строя. Странными представляются действия военачальников, самонадеянно взявших на себя решение вопроса о том, кому быть императором и главнокомандующим вооруженными силами. В высшей степени неразумными, опрометчивыми видятся меры, предпринимавшиеся руководителями и депутатами Государственной Думы, влиятельными промышленниками и общественными деятелями.

Главным событием февральско-мартовской революции 1917 г. в России в исторической литературе считается отречение Николая II от императорского престола. Оно действительно решило судьбу российской монархии и придало уличному бунту и военному мятежу в Петрограде характер революции. Однако отказ Николая II от верховной государственной власти состоялся не по собственной его воле, а под давлением назначенных им на высокие посты генералов: прежде всего начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал-адъютанта М.В. Алексеева и главнокомандующих фронтами.

По свидетельству А.С. Лукомского, занимавшего с 6 декабря 1916 г. до 2 апреля 1917 г. должность генерал-квартимейстера штаба Верховного главнокомандующего, во время пребывания в эмиграции А.Ф. Керенский в ответ на часто звучавший в его адрес упрек в том, что «он был одним из руководителей революционного движения в феврале и марте 1917 года и что этим он сыграл в руку немцам», однажды ответил: *«Революцию сделали не мы, а генералы. Мы же только постарались направить ее в должное русло»*⁵⁵ (курсив мой. – В.Т.).

⁵⁵ Цит. по: Воспоминания генерала А.С. Лукомского. Период европейской войны. Начало разрухи в России. Борьба с большевиками. Том 1. Берлин, 1922. С. 151.

На решающую роль генералов в принуждении императора к отречению от престола указывает и место, где это событие произошло. В Пскове находился штаб Северного фронта и именно его главнокомандующий генерал-адъютант Н.В. Рузский (с помощью своего начальника штаба генерала Ю.Н. Данилова и начальника снабжений Северного фронта генерала С.С. Саввича) добился от Николая II согласия на отказ от верховной государственной власти. Неслучайно отрекшийся император говорил впоследствии, что простил всех изменников, всех заговорщиков, одного Рузского не смог простить⁵⁶.

В свете таких событий очевидно, что не само по себе отречение Николая II от престола было главным событием февральско-мартовской революции, а неповиновение генералов императорской армии своему императору, участие их в заговоре против главы государства, принуждение его к отречению от верховной государственной власти.

Подобные действия высших должностных лиц, и в особенности военачальников, являются всегда отчетливыми признаками распада государственного организма. Ведь государство это не только совокупность учреждений или институтов, но еще и духовное поле, заставляющее население повиноваться носителям публичной власти, соблюдать законы, выполнять свои гражданские и государственные обязанности. Ядром этого духовного поля является, с одной стороны, уважительное отношение людей, составляющих правящий слой, к своему народу, его достоинству, традициям, интересам и потребностям, а с другой — доверие народа к лицам, обладающим государственной властью. Но это доверие не может сохраняться в условиях, когда правящий слой начинает раздираться противоречиями и раздорами, когда высшие должностные лица перестают подчиняться главе государства и готовят отстранение его от власти.

⁵⁶ Императрица-вдова Мария Федоровна рассказывала после встречи со своим несчастным сыном, отрекшимся от престола, что Н.В. Рузский, призывая его отречься от престола, стукнул кулаком по столу и сказал: «Ну, решайтесь же, наконец!». В беседе с великим князем Андреем Владимировичем, состоявшейся 14 июня 1917 г. в Кисловодске, генерал уверял, что это выдумка, но какая тогда причина мешала бывшему императору простить его. См. об этом: *Великий князь Андрей Владимирович. Дневники 1915–1917 гг. // Гибель монархии. История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVIII–XX вв. М., 2000. С. 352.*

Само по себе стремление сместить верховного властителя с должности путем заговора не составляет чего-либо странного или противоестественного. Напротив, оно выступает вполне нормальным явлением политической борьбы — особенно в такой стране, где носитель верховной государственной власти занимает свое место пожизненно на основании конституции или с помощью манипуляций на выборах. В этом случае заговор может сыграть положительную роль, если посредством его лицо, неспособное надлежащим образом управлять государством, заменяется на более эффективного властителя, более соответствующего должности главы государства, чем прежний. Заговор является при таком положении хирургическим средством лечения запущенной болезни государственного организма.

Однако всякий заговор, при любом результате, несет в себе риск разрушения существующего государственного строя, поскольку предполагает совершение действий, нарушающих основные законы государства. Но если этот риск минимален, а положительные последствия заговора очевидны, его участники выглядят вполне разумными людьми, а не безумными авантюристами.

Заговор против Николая II, замыслы и планы которого разрабатывались военными и гражданскими должностными лицами и общественными деятелями Российской империи, начиная с лета 1915 г., не учитывал в надлежащей мере состояние тяжелейшей войны, которую Россия вела против трех империй: Германской, Австро-Венгерской и Османской. В сознании русского общества Первая мировая война недаром считалась войной отечественной, второй — после военного столкновения в 1812 г. с наполеоновской Францией. От ее исхода зависела будущая судьба России, и для победы в ней требовалось чрезвычайное напряжение всех сил русского общества. В этих условиях риск распада государства при осуществлении заговора против носителя верховной государственной власти возрастал многократно.

Сведения о разработке планов смещения Николая II с престола, приводимые в воспоминаниях П.Н. Милюкова, М.В. Родзянко, А.И. Деникина, А.И. Гучкова и других активных участников революционных событий 1917 г. в России, показывают, что заговорщики не принимали во внимание и настроений русского народа, миллионы представителей которого находились в

действующей армии, т.е. в организованном состоянии и при оружии, не догадывались о том, что свержение главы государства с престола может лишитъ страну какой-либо легитимной в народном сознании государственной власти. Их замыслы предполагали принуждение Николая II к отречению от верховной власти с передачей императорской короны наследнику престола двенадцатилетнему Алексею Николаевичу и назначением на срок до его совершеннолетия в качестве регента великого князя Михаила Александровича. Регентство брата императора, еще более безвольного и тяготившегося государственной деятельностью, чем сам император, считалось почему-то лучшим способом «осуществить в России конституционную монархию»⁵⁷.

Легкомысленность этих заговорщических планов была очевидной. Оценивая их, бывший флигель-адъютант императора Николая II С.С. Фабрицкий едко замечал: «Хотел бы я знать, что думали и как рисовали себе дальнейшее устроители революции и отречения Государя. По-видимому, им все казалось каким-то праздником, на котором они будут играть первенствующие роли, заливаясь красивыми речами перед плачущей от счастья толпой. Как подумаешь, что устроителями этой “бескровной революции” были не гимназисты, гимназистки и студенты, неопытная безусая молодежь, а маститые генералы, государственные деятели и председатель Государственной Думы, то делаются совершенно непонятными их близорукость и незнание русского народа»⁵⁸.

Некоторые заговорщики желали видеть регентом при несовершеннолетнем императоре Алексее великого князя Николая Николаевича, занимавшего в начале мировой войны должность верховного главнокомандующего. Посол Франции в России Морис Палеолог записал в своем дневнике 23 декабря 1916 / 5 января 1917 г.: «Вечером я узнал, что в семье Романовых великие тревоги и волнение. Несколько великих князей, в числе которых мне называют трех сыновей великой княгини Марии Павловны: Кирилла, Бориса и Андрея, говорят ни больше, ни меньше, как о том, чтобы спасти

⁵⁷ Миллюков П.Н. История второй русской революции. Том 1. Вып. 1. Противоречия революции. София, 1921. С. 36.

⁵⁸ Фабрицкий С.С. Из прошлого. Воспоминания флигель-адъютанта государя императора Николая II. Берлин, 1926. С. 153–154.

царизм путем дворцового переворота. С помощью четырех гвардейских полков, которых преданность уже поколеблена, двинутся ночью на Царское Село; захватят царя и царицу; императору докажут необходимость отречься от престола; императрицу заточат в монастырь; затем объявят царем наследника Алексея, под регентством великого князя Николая Николаевича»⁵⁹.

Предполагать, что Николай II откажется от престола исключительно под давлением группы офицеров и нескольких полков солдат, могли только очень наивные люди. Подобные планы государственного переворота мало кто принимал всерьез. Но они имели большое значение как фактор, способствовавший разложению государственного сознания в правящем слое русского общества. Все больше людей в этом слое начинали видеть в императоре не главу государства, не носителя верховной государственной власти, обрамленного ореолом сакральности, а всего лишь высшее должное лицо, легко заменимое на другую персону.

Некоторые заговорщики, понимавшие, что Николай II может не согласиться на отречение от престола, легко допускали возможность убийства своего государя. А.И. Деникин, рассказывая в своих мемуарах о том, как в тайных кружках, в которые «входили члены правых и либеральных кругов Государственной думы, Прогрессивного блока, члены императорской фамилии и офицерство», зрели замыслы свержения императора с престола, утверждал, что по плану заговорщиков «активными действиям должно было предшествовать последнее обращение к государю одного из великих князей... В случае неуспеха в первой половине марта предполагалось вооруженной силой остановить императорский поезд во время следования его из Ставки в Петроград. Далее должно было последовать предложение государю отречься от престола, а в случае несогласия — физическое его устранение. Наследником предполагался законный правопреемник Алексей, а регентом — Михаил Александрович»⁶⁰.

О том, что убийство стало считаться в среде оппозиции государю вполне приемлемым способом решения проблем, показывает пример

⁵⁹ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1923. С. 274.

⁶⁰ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Том 1. Вып. 1. Крушение власти и армии. Февраль–сентябрь 1917 г. Париж, 1921. С. 38–39.

жестокой расправы с приближенным к царской семье Григорием Распутиным. В числе активных участников этой акции был великий князь Дмитрий Павлович Романов. Вместо предания уголовному суду Николай II предписал ему службу в Персии. Однако и эта мера показалась многим Романовым излишне жестокой. В последний день 1916 г. шестнадцать родственников убийцы, в том числе известный своими историческими трудами великий князь-интеллектуал Николай Михайлович, обратились к государю с просьбой разрешить Дмитрию Павловичу пребывание вместо Персии в своем имении. Николай II ответил на эту просьбу словами: «Никому не дано право заниматься убийством, знаю, что совесть многим не дает покоя, так как не один Дмитрий Павлович в этом замешан. Удивляюсь вашему обращению ко мне». Его величество удивился бы еще больше, если бы узнал, как возмущены были все подписавшие письмо к нему этим ответом с напоминанием о простой христианской истине: никому не дано право убивать. Комментируя в своих воспоминаниях реакцию романовых на ответное письмо государя, великий князь Андрей Владимирович счел необходимым заметить: «Нехорошие назревают события, но сами идут в пасть, — страшно, но судьба да руководит нашей св. Русью!»⁶¹

Дворцовый же комендант государя императора высказывался по этому поводу в своих мемуарах еще более резко: «Совершенно непонятно, почему члены императорской фамилии, высокое положение и благосостояние которых исходило исключительно от императорского престола, стали в ряды активных борцов против царского режима, называя его режимом абсолютизма и произвола по отношению к народу, о котором они, однако, отзывались как о некультурном и диком, исключительно требующем твердой власти. В таком их мышлении логики было мало, но зато ярко выступало их недоброжелательство к личности монарха»⁶².

Председатель Центрального промышленного комитета А.И. Гучков в своих воспоминаниях отрицал готовность заговорщиков убить своего государя в случае его отказа от отречения. По его словам, «мысль о терроре по отношению к носителю верховной власти даже

⁶¹ Великий князь Андрей Владимирович. Дневники 1915–1917 гг. С. 326.

⁶² Воейков В.Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995. С. 209.

не обсуждалась — настолько она считалась неприменимой в данном случае. Так как в дальнейшем предполагалось возведение на престол сына государя наследника, с братом государя в качестве регента на время малолетства, то представлялось недопустимым заставить сына и брата присягнуть через лужу крови»⁶³. При этом Александр Иванович выражал уверенность в том, что достичь этой цели можно путем дворцового переворота, «в результате которого государь был бы вынужден подписать отречение с передачей престола законному наследнику»⁶⁴. Однако признание это вызывает серьезные сомнения. Не был Гучков столь наивным человеком, чтобы не допускать возможности отказа Николая II от выполнения воли заговорщиков, несмотря на их давление. Да и знал хорошо Александр Иванович, каким нечеловеческим упрямством обладал государь в отстаивании своих убеждений, как трудно поддавался его величество на уговоры сделать что-либо вопреки своим интересам. И трудно допустить, что Гучкову не были известны разговоры об убийстве Николая II как самом надежном способе освобождения престола для другого императора. Но в своих воспоминаниях Гучков совершенно умолчал о том, какими способами думал он вырвать у государя согласие освободить трон.

Имеется множество свидетельств тому, что заговорщики намеревались добиваться смещения Николая II с престола любыми средствами и были склонны действовать в отношении его самым решительным и жестоким образом. Одно из этих свидетельств привел в своих мемуарах, написанных в 1919 г., бывший председатель Государственной Думы М.В. Родзянко. В начале января 1917 г. в Петроград приехал с фронта генерал А.М. Крымов и попросил дать ему возможность выступить в неофициальном порядке перед членами Государственной думы и Государственного совета. В своей речи Александр Михайлович старался убедить слушателей, что надежд на победу России в войне не будет до тех пор, «пока правительство не примет нового курса, пока не будет другого правительства». По рассказу председателя Думы, в конце выступления генерал заявил:

⁶³ Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания Председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 17.

⁶⁴ Там же.

«Настроение в армии такое, что все с радостью будут приветствовать известие о перевороте. Переворот неизбежен, и на фронте это чувствуют. Если вы решитесь на эту крайнюю меру, то мы вас поддержим. Очевидно, других средств нет. Все было испробовано как вами, так и многими другими, но вредное влияние жены сильнее честных слов, сказанных царю. Времени терять нельзя». Несколько минут после речи Крымова все сидели смущенные и удрученные. Молчание прервал депутат А.И. Шингарев, заметивший: «Генерал прав — переворот необходим, но кто на него решится?» В ответ на эти слова член Государственной думы С.И. Шидловский с озлоблением сказал, имея в виду императора Николая II: *«Щадить и жалеть его нечего, когда он губит Россию»*⁶⁵.

О том, что подобные совещания действительно имели место, свидетельствует промышленник М.И. Терещенко, занимавший во Временном правительстве должности сначала министра финансов, а затем — иностранных дел. В своем отклике на самоубийство генерала Крымова во время корниловского мятежа, опубликованном 2 сентября 1917 г. в газете «День», Михаил Иванович отмечал: «Генерал Крымов неоднократно приезжал в Петроград., пытался убедить сомневающихся, что дольше медлить нельзя. Он и его друзья сознавали, что надо взять на себя руководство государственным переворотом, но вещие думские сирены убеждали нас, что час еще не настал, и что им, близко стоящим к государственным делам, виднее, чем нам, слишком, по их мнению, горячим головам, что надо еще ждать»⁶⁶.

Планы государственного переворота, разрабатывавшиеся наиболее активно с осени 1916 г., можно было бы считать бессмысленными, если бы не осуществилось ничего из того, что замыслилось. Вспоминая в 1932 г. об одном из таких планов, А.И. Гучков сообщил, что группой заговорщиков, в которой он состоял, рассматривались три возможности: «Первая — захват государя в Царском Селе или Петергофе. Этот план вызывал значительные затруднения. Если даже иметь на своей стороне какие-нибудь воинские части, расположенные в резиденции государя, то было несомненно, что ими будет оказано вооруженное сопротивление, во

⁶⁵ Родзянко М.В. Крушение империи. Л., 1929. С. 205.

⁶⁶ День. 1917. 2 сентября.

всяком случае предстояло кровопролитие, которого хотелось избежать. Другая возможность была произвести эту операцию в Ставке, но это требовало если не прямого участия, то во всяком случае некоторого попустительства со стороны высших чинов командования... В этой комбинации — в Ставке — мы встречали те же сомнения. Части могли быть на стороне [правительства]. Значит, опять гражданская война в пределах фронта. Если б цареубийство... но мы были против этого. Третья возможность — и на ней мы остановились — **это захват царского поезда во время проезда из Петербурга в Ставку и обратно»**⁶⁷ (выделено мною. — В.Т.). Как известно именно в царском поезде и произошло отречение государя от престола.

Знавшие хоть немного натуру императора Николая II не могли не понимать, что роль властителя была ему тягостна и он легко отказался бы от царского трона, если бы в императорской фамилии имелся кто-то, кому он мог передать верховную власть без опасения за будущее вверенной ему страны. Но сын его цесаревич Алексей Николаевич являлся еще подростком и к тому же больным гемофилией, предрекавшей ему недолгую жизнь. Родной его брат великий князь Михаил Александрович был еще менее подготовлен к роли государя, чем он сам, а двоюродный брат Кирилл Владимирович, хотя формально и стоял третьим в очереди на престолонаследие, всерьез никем вообще в то время не рассматривался на роль нового императора. Долг перед Россией был в сущности единственной цепью, приковывавшей Николая II к царскому трону.

Понимая эту драму, нетрудно было догадаться, что принудить Николая II к отречению от верховной власти можно было только при условии, если внушить ему, что пребывание его на царском троне создает угрозу существованию России, хотя бы тем, что провоцирует гражданскую войну во время внешней войны с опаснейшим противником; если заставить его думать, что только отречение от престола спасет Российское государство от распада.

Но для создания у Николая II представления о том, что Россия оказалась на краю гибели, предотвратить которую можно только его отречением от престола, недостаточно было одних слов. Необходима

⁶⁷ Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 18.

была картина народного возмущения, способная впечатлить его величество настолько, чтобы можно было вырвать у него согласие на отказ от верховной государственной власти.

Заговор против Николая II с целью добиться от него добровольного отречения от престола предполагал таким образом организацию масштабных народных волнений в столице Российской империи. В условиях, сложившихся в России на третий год тяжелейшей войны, сделать это не представлялось слишком сложным.

Посол Великобритании Джордж Бьюкенен был очень хорошо осведомлен о состоянии дел в Петрограде. 18 февраля 1917 года он сообщил в свое министерство иностранных дел: «Если приостановится подвоз продовольственных продуктов, то забастовки вспыхнут неизбежно, и меня беспокоит скорее экономическое положение, чем политическое. Если бы дело шло только о последнем, то окончательное улажение его могло бы быть отложено до окончания войны; однако первое является постоянной угрозой. Оно может ежеминутно раздуть тлеющую искру политического недовольства в пламя, а это нанесет серьезный ущерб делу войны»⁶⁸.

Опасения британского посла имели под собой серьезные основания. Население Петрограда достигало в то время 1 800 000 человек, из них 400 000 составляли рабочие. Охрану же правопорядка обеспечивало всего 3 500 городских.

Вызвать волнения при таком положении было нетрудно. Повод к ним вполне могли создать перебои со снабжением столичных магазинов хлебом. И такой повод был создан. Но в дополнение к этому появилась еще одна причина для забастовок. 22 февраля 1917 г. руководство Путиловского завода объявило об увольнении 40 000 рабочих, выступивших накануне с требованием о повышении заработной платы на 50% в связи с резким повышением цен на продовольствие. Рабочие-путиловцы немедленно образовали стачечный комитет и обратились ко всем рабочим Петрограда поддержать их забастовку. Таким образом начала формироваться картина народного возмущения, которая будет представлена в Ставку Верховного главнокомандующего.

⁶⁸ Там же. С. 190.

Для достижения своих целей заговорщики должны были осуществить необычную и довольно сложную комбинацию, которая предполагала предельно согласованные действия в течение четырех дней целого ряда высоких должностных лиц Российской империи, находившихся в самых различных местах: в Петрограде, Могилеве, Пскове, в штабах фронтов, в императорском поезде.

Кроме того необходимо было привлечь к содействию им довольно большое число простых чиновников и офицеров.

Императора Николая II заговорщикам надо было выманить из Петрограда в Могилев, накануне намечавшихся в столице уличных бунтов.

На следующий день после отъезда его величества в Петрограде должны были начаться «народные» волнения, затем вспыхнуть солдатский мятеж, образоваться временное правительство взамен царского. Обо всем этом надлежало представить в самых мрачных красках императору. Он должен был выехать из Могилева в Царское Село, но при этом ни в коем случае не попасть туда до своего отречения от престола. Императорскому поезду надлежало остановиться в Пскове, где был расположен штаб командующего Северным фронтом генерала Н.В. Рузского. При этом необходимо было предотвратить поход верных государю и государству боевых воинских частей на мятежный Петроград. А самое главное — государю императору надобно было внушить мысль о том, что только его отречение от престола способно спасти Россию, причем предложение отказаться от верховной государственной власти должно было поступить Николаю II одновременно и от Государственной Думы, и от высшего генералитета.

Руководители и депутаты Государственной Думы, члены и комиссары новоявленного правительства, Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, начальник штаба Верховного главнокомандующего, командующие фронтами, великие князья, управляющий министерством путей сообщения и чиновники министерства — все эти и многие другие люди должны были действовать совместно, следуя заранее разработанному общему плану, чтобы февральско-мартовская «революция» произошла и могла достичь тех целей, ради которых она затевалась.

Можно предположить, что произошедшее с 28 февраля по 4 марта (по Юлианскому календарю) или с 13 по 17 марта 1917 года (по Григорианскому календарю) было всего лишь импровизацией, случайным совпадением различных событий, происходивших в разных местах. Вполне возможно признать, что люди, определившие участь русского царя и судьбу Русского государства, действовали исключительно самовольно, под влиянием своих желаний, и поведение их оказалось на редкость согласованным вследствие простого стечения обстоятельств. Но осталось слишком много свидетельств тому, что все это совпало совсем не случайно, а потому что осуществлялось по заранее разработанному и продуманному сценарию.

Лишь две возможности не были учтены в этом плане: первая — это отречение Николая II в пользу не сына, цесаревича Алексея Николаевича, а брата, великого князя Михаила Александровича; и вторая — неожиданная сила и организованность народной стихии.

Заговор против императора Николая II с целью замены его на другое лицо предполагал игру в революцию, но в действительности получилось так, что именно революция стала играть заговорщиками. Они надеялись обуздать революционную стихию после того, как она выполнит свою роль в их заговоре. Но получилось наоборот: революция стала управлять ими, вершить их судьбу и мстить за попытку обмануть...

Любопытно, что некоторые заговорщики оказались довольно проницательными и еще до осуществления задуманного государственного переворота догадывались, что именно его успех станет их главной неудачей, а для Российской империи государственной катастрофой.

2 июня 1915 г. Морис Палеолог записал в свой дневник: «Сегодня я приватно обедал с виднейшим русским заводчиком-металлургом и финансистом-миллионером Путиловым. Я всегда получаю и удовольствие, и пользу от встреч с этим дельцом, человеком оригинальной психологии; он в высшей степени обладает основными качествами американского бизнесмена: духом инициативы и творчества, любовью к широким предприятиям, точным пониманием действительного и возможного, сил и ценностей; и тем не менее он остается славянином по некоторым сторонам своей внутренней

сущности и по такой глубине пессимизма, какой я не видал еще ни у одного русского... Как только мы закуриваем сигары, приносят еще шампанского, и мы рассуждаем о будущем. Путилов дает волю своему пессимизму. Он описывает мне роковые последствия надвигающихся катастроф и скрытый процесс постепенного упадка и распада, который подтачивает здание России. Дни царской власти сочтены, она погибла, погибла безвозвратно; а царская власть — это основа, на которой построена Россия, единственное, что удерживает ее национальную целостность... Отныне революция неизбежна, она ждет только повода, чтобы вспыхнуть. Поводом послужит военная неудача, народный голод, стачка в Петрограде, мятеж в Москве, дворцовый скандал или драма — все равно; но революция — еще не худшее зло, угрожающее России. Что такое революция в точном смысле этого слова?.. Это замена, путем насилия, одного режима другим. Революция может быть большим благополучием для народа, если, разрушив, она сумеет построить вновь. С этой точки зрения революции во Франции и в Англии кажутся мне скорее благотворными. У нас же революция может быть только разрушительной, потому что образованный класс представляет в стране лишь слабое меньшинство, лишённое организации и политического опыта, не имеющее связи с народом. Вот, по моему мнению, величайшее преступление царизма: он не желал допустить, помимо своей бюрократии, никакого другого очага политической жизни. И он выполнил это так удачно, что в тот день, когда исчезнут чиновники, распадется целиком само русское государство. Сигнал к революции дадут, вероятно, буржуазные слои, интеллигенты, кадеты, думая этим спасти Россию. Но от буржуазной революции мы тотчас перейдем к революции рабочей, а немного спустя — к революции крестьянской. Тогда начнется ужасающая анархия, бесконечная анархия-анархия на десять лет... Мы увидим вновь времена Пугачева, а может быть, и еще худшие...»⁶⁹.

Эти слова русского предпринимателя Алексея Ивановича Путилова можно было бы считать сбывшимся пророчеством, если бы сам он ничего не предпринимал для того, чтобы оно сбылось...

⁶⁹ Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 177.

IV

Революция, произошедшая в России в конце февраля – начале марта 1917 г., несет в себе много неразгаданных тайн. Самая главная из них, можно сказать ключевая, касается той силы, которая стояла за спиной заговорщиков, свергнувших Николая II с императорского престола. Эта сила должна была направлять их преступные действия и одновременно внушать им уверенность в успехе заговора. Люди, ее составляющие, должны были пользоваться поддержкой западных держав и обладать необходимыми для организации уличных бунтов в Петрограде финансовыми ресурсами. Очевидно, что такой силой могли быть только российские капиталисты: торговцы, промышленники, банкиры.

Мысль о революционности если не всего этого слоя российского общества, то значительной его части может показаться парадоксальной, но она отражает реальность. И социал-демократы, как большевики, так и меньшевики, и социалисты-революционеры, и конституционные демократы – почти все мало-мальски заметные антиправительственные партии получали финансовую подпитку от российских капиталистов. Поддерживались их деньгами и оппозиционные царскому правительству журналы и газеты. Чиновник и публицист И.И. Кольшко писал в своих воспоминаниях: «Из банковских касс, из мощны Морозова и иных русских миллионеров русская революционная мысль питалась до и после Милюкова: на банковские деньги оперился, между прочим, наш “буревестник” Горький»⁷⁰.

Подобные факты в исторической литературе обыкновенно объясняются желанием российских промышленников, торговцев, банкиров купить себе прощение грехов на случай прихода к власти в России революционных партий. На самом деле указанные партии были очень слабы и действовали они во многом под контролем сотрудников Департамента государственной полиции, поэтому какие-то шансы захватить государственную власть могли появиться у революционеров лишь в исключительных обстоятельствах, при полном крахе в России монархического строя. Российские капиталисты оказывали революционному движению финансовую

⁷⁰ Кольшко И.И. Великий распад. Воспоминания. СПб., 2009. С. 191.

поддержку не потому, что боялись революционеров, а потому что сами были носителями революционных настроений. Они использовали революционные партии в собственных интересах — как одно из орудий борьбы с самодержавием, лишавшим их представителей доступа к высшим государственным постам.

Среди промышленников и купцов, поддерживавших революционные партии, было много старообрядцев: достаточно назвать семьи Морозовых, Рябушинских, Гучковых, Коноваловых, Шибаевых, Бугровых, Сироткиных, Солдатенковых, Авксентьевых, Бурьшкиных, Астровых и др. Данное обстоятельство повышало степень их сплоченности в противостоянии царскому правительству. Особенно сильные позиции капиталисты-старообрядцы имели в Москве. Неслучайно здесь революция победила также легко, как в Петрограде.

Свою выдающуюся роль в успехе заговора против императора Николая II российские капиталисты всячески скрывали, причем с самого начала. И можно догадаться почему. Результатом этого заговора стало уничтожение монархии и крушение Российской империи. Возникшее вместо царского правительства так называемое «Временное правительство» имело весьма шаткое юридическое основание и слишком мало возможностей для осуществления своей власти.

16 ноября 1932 г. А.И. Гучков в беседе с Н.А. Базили, занимавшим в роковые события 1917 г. должность директора дипломатической канцелярии при Ставке Верховного главнокомандующего, заговорил о том, какие шансы на благополучный исход имело Временное правительство. Его оценка была короткой — всего один шанс, который, по его словам, «отпал одновременно с появлением Временного правительства — тогда, когда Временное правительство осталось без какой бы то ни было санкции сверху в смысле отсутствия монархического престижа и преемственности власти и в смысле отсутствия опоры снизу, когда не было ни законодательных учреждений, ни опоры в организованном общественном мнении и настроении масс»⁷¹. Поясняя эти слова, Александр Иванович

⁷¹ Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания Председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 61-62.

рассказывал: «Мы буквально повисли в воздухе: не было почвы и наверху не было исторического знамени. В тот момент, когда я убеждал государя отречься, я считал, что с маленьким Алексеем в качестве государя (и вообще с каким-то все-таки законным государем во главе) этой власти можно было спасти положение. Был не только символ, а была какая-то живая сила, которая имела в себе большое притяжение, для борьбы за которую можно было найти очень много людей, которые умерли бы за царя, даже маленького. [Иное дело –] за Временное правительство. Надо было обладать высоким разумом для того, чтобы через эту группу людей обычного склада прозревать Государство, Отечество, страну»⁷².

Убеждение в том, что настоящую легитимность и, следовательно, власть Временному правительству мог дать только законный государь, было у Гучкова настолько сильным, что после отказа великого князя Михаила Александровича воспринять переданную ему Николаем II императорскую власть до решения Учредительного собрания Александр Иванович порывался оставить пост военного министра и выйти из его состава. Он был уверен, что при отсутствии надлежащей легитимности деятельность Временного правительства обречена на бесплодность.

Это мнение разделял и П.Н. Миллюков. В своих воспоминаниях он назовет фактическую ликвидацию монархии «первой капитуляцией русской революции»⁷³. Необходимость срочно создать вместо царского правительства не просто Временную правительственную власть, а настоящее легитимное правительство ясно сознавал и Л.А. Тихомиров. 28 февраля 1917 г. он занес в свой дневник следующую примечательную фразу: «Итак, наша Монархия, по крайней мере в самодержавной форме, – *рухнула*. Перевороты у нас бывали, но на место одного Царя немедленно являлся другой. Теперь мы – пока – не знаем, кто правит нами, кто у нас Верховная Власть, и есть ли она. А у нас – страшная война. Вопрос в том, успеют ли лица, произведшие переворот, создать моментально *бесспорную* власть?»⁷⁴

⁷² Там же. С. 62.

⁷³ Миллюков П.Н. История второй русской революции. Том 1. Вып. 1. Противоречия революции. София, 1921. С. 55.

⁷⁴ Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. М., 2008. С. 345.

Отказ великого князя Михаила Александровича занять императорский престол не позволили Временному правительству получить легитимность от государя, в форме высочайшего указа о назначении министров и председателя Совета министров. В этих условиях единственным источником власти для Временного правительства могли быть только революция и народ.

2 марта около 3-х часов дня П.Н. Милюков произносил в Екатерининском зале Таврического дворца речь о созданном накануне новом правительстве России. Отметив в своих воспоминаниях о данном событии, что «речь эта была встречена многочисленными слушателями, переполнившими зал, с энтузиазмом, и оратор вынесен на руках по ее окончании», Павел Николаевич признал, что «среди шумных криков одобрения слышались и ноты недовольства и даже протеста. “Кто вас выбрал?” — спрашивали оратора».

Милюков не мог ничего конкретного сказать в ответ, но сумел найти для него общие слова, которые в полной мере отражали статус Временного правительства. «Нас выбрала русская революция, — заявил он, — но мы не сохраним этой власти ни минуты, после того как свободно избранные народом представители скажут нам, что они хотят на наших местах видеть людей, более заслуживающих их доверия»⁷⁵.

Смысл данного ответа был равнозначен той характеристике статуса Временного правительства, которую А.И. Гучков выразил словами: «*Мы буквально повисли в воздухе: не было почвы и наверху не было исторического знамени*».

Объявив революцию и народ источниками власти для своего правительства, заговорщики должны были забыть о том, что они всего лишь заговорщики, что именно они, а не народ были главной движущей силой государственного переворота, что народ играл в этой операции всего лишь роль массовки, создававшей иллюзию стихийного народного восстания.

В свете этого вполне логичным представляется выступление А.И. Гучкова на торжественном заседании всех центральных торгово-промышленных организаций, состоявшемся 8 (21) марта 1917 г. в

⁷⁵ Милюков П.Н. История второй русской революции. Том 1. Вып. 1. С. 51.

Александровском зале Петроградской городской думы. Формально российские промышленники собрались для чествования своих представителей, вошедших в состав Временного правительства: военного министра (и временно морского) А.И. Гучкова, министра торговли и промышленности А.И. Коновалова и министра финансов М.И. Терещенко, а фактически для того, чтобы отпраздновать свою победу над самодержавием.

От имени Центрального военно-промышленного комитета выступил председательствовавший на этом заседании Н.Н. Изнар. Ответную речь произнес А.И. Гучков. «Я обращаюсь не только к вам, — сказал он промышленникам: — через головы ваши, через наши сердца и ваши помыслы я обращаюсь ко всей необъятной России, которая в наших умах и сердцах занимает такое великое место, к которой несутся все наши помыслы, ради которых мы готовы и жить работая, и умереть страдая»⁷⁶.

После этих слов Александр Иванович, желая пояснить, из чего возник только что произошедший в России государственный переворот, сделал поразительное заявление. «Этот переворот, — сообщил он, — был подготовлен не теми, кто его сделал, а теми, против кого он был направлен. Заговорщиками были не мы — русское общество и русский народ, заговорщиками были представители власти». Далее Гучков начал уверять собравшихся, что свержение Николая II с императорского престола стало «не результатом какого-нибудь умного и хитрого заговора, какого-нибудь комплота, каких-нибудь замаскированных заговорщиков, которых искали во тьме агенты охраны. Этот переворот явился зрелым плодом, упавшим с дерева. Он явился результатом стихийных сил, которые вышли из русской разрыхленной почвы»⁷⁷.

Свое объяснение причин революции бывший председатель Центрального военно-промышленного комитета завершил мистической фразой: «Не людьми этот переворот сделан, и поэтому не людьми может быть он разрушен»⁷⁸.

Отрицая наличие заранее и тщательно спланированного заговора против императора Николая II, А.И. Гучков отказывался признать

⁷⁶ Вестник Временного правительства. 1917. № 5. 10 (23) марта. С. 2.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же.

факт, который был очевиден всем, кто наблюдал события, происходившие с 23 февраля по 4 марта 1917 г. в Петрограде. Особенно тем, кто знал, что более тридцати тысяч рабочих Путиловского завода оказались 23 и 24 февраля на петроградских улицах потому, что были накануне уволены за выдвинутое ими перед заводской администрацией требование повысить заработную плату по причине сильного роста цен на продовольственные товары, что тысячи рабочих других заводов и фабрик вышли на улицы, чтобы поддержать справедливые требования путиловцев. Спланированность уличных манифестаций и волнений в Петрограде была очевидной для тех, кто видел, какое множество плакатов с антиправительственными лозунгами появилось, как по команде, над толпами горожан, кто замечал в массе простых петроградцев отряды вооруженных боевиков, стрелявших по городским и солдатам, и множество агрессивно настроенных чужаков, прибывших невесть откуда. А те, которые в дополнение к этому знали еще и о том, как много агитаторов, способных говорить пламенные антиправительственные речи, появилось вдруг в казармах запасных полков, и какие кипы антиправительственных листовок туда принесли, не могли не догадаться о том, что происходившие в столице империи в конце февраля – начале марта 1917 г. события были очень хорошо подготовлены.

Подобным же образом был заранее подготовлен и детально продуман решающий акт государственного переворота, предполагавший отречение императора Николая II от верховной государственной власти.

С учетом таких фактов стремление А.И. Гучкова представить февральско-мартовскую революцию следствием не «какого-нибудь умного и хитрого заговора», а исключительно результатом действия «стихийных сил, которые вышли из русской разрыхленной почвы», выглядело просто мифотворчеством.

Причина, по которой председатель Центрального военно-промышленного комитета и военный министр в новом правительстве попытался скрыть истинный характер произошедшего государственного переворота, заключалась не только в желании приписать Временному правительству народное происхождение. Догадавшись по ряду признаков, что операция по свержению

Николая II с императорского трона, громко названная «революцией», оказалась всего лишь авантюрой, которая разрушила Русское государство и создала опаснейшую угрозу существованию Русской цивилизации, Гучков постарался скрыть свое более чем активное участие в этом преступлении.

Ведь если честно признать, что к отречению Николая II от императорского престола привел заранее разработанный хитроумный и широкомасштабный заговор, предполагавший использование в качестве инструмента давления на государя массовые уличные волнения в обеих столицах империи и даже солдатские бунты, то нетрудно будет обнаружить если не все, то во всяком случае одну из главных сил, способных подготовить общественную атмосферу или условия для осуществления такого заговора и в нужный момент привести его в действие.

Этой силой сделался учрежденный в июне 1915 г. на первом съезде военно-промышленных комитетов с целью мобилизации промышленности для удовлетворения нужд армии Центральный военно-промышленный комитет. Руководящим органом данного комитета стало бюро во главе с председателем. На эту должность в июле 1915 г. был избран А.И. Гучков.

К началу 1917 г. аппарат возглавлявшейся им организации насчитывал двадцать шесть отраслевых и функциональных отделов. Призванный объединить российских промышленников для оказания помощи государству, Центральный военно-промышленный комитет получил из государственной казны для ведения своей деятельности в течение второй половины 1915 – начала 1917 гг. 170 млн. руб. В его полномочия входило распределение военных заказов между предприятиями, создание новых предприятий и производств, координация деятельности с Особым совещанием по обороне государства. Это означало, что данная организация имела все возможности для превращения в чрезвычайно влиятельную в стране политическую силу, подчиняющую своей власти не только промышленников, торговцев, банкиров, командующих фронтами и армиями, но и целые государственные институты. Факты показывают, что Центральный военно-промышленный комитет, соединявший в единую систему совокупность местных военно-промышленных

комитетов, превосходил по своему влиянию даже Государственную думу.

Оппозиционно настроенные по отношению к царскому правительству промышленники, финансисты и политики получили в лице этой организации просто идеальный для российских условий инструмент политической борьбы и подготовки государственного переворота.

Сохранилось множество свидетельств тому, что А.И. Гучков уже в 1915 г. вынашивал замысел подготовки государственного переворота с целью отстранения императора Николая II от верховной власти и сразу после того, как возглавил Центральный военно-промышленный комитет, стал превращать его в политическую организацию. На это указывала уже кадровая политика, проводившаяся Гучковым в рамках комитета. В его руководящий состав вошли, например, такие деятели, как А.И. Коновалов (занявший пост заместителя председателя), А.А. Бубликов, М.И. Терещенко, и М.М. Федоров. Членами комитета стали И.В. Годнев, М.А. Караулов, Н.Н. Кутлер, В.П. Литвинов-Фалинский, кн. Г.Е. Львов, Н.В. Некрасов, П.И. Пальчинский, П.П. Рябушинский, Н.В. Савич, М.В. Челноков, А.И. Шингарев и др. Все эти люди оказались впоследствии участниками государственного переворота и, по меньшей мере, пятеро из них вошли во Временное правительство.

В ноябре 1915 г. в рамках Центрального военно-промышленного комитета была создана так называемая рабочая группа в составе 10 человек под руководством меньшевика К.А. Гвоздева. Официально целью ее создания было установление социального партнерства между рабочими, предпринимателями и правительством. На самом деле в лице этой группы формировалась организационная основа для рабочей оппозиции, призванной поддержать капиталистов-заговорщиков в борьбе с царским правительством. Принятые 3 декабря 1915 г. заявления рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета показывают, что она стремилась к объединению рабочих не только «для борьбы с обрушившимися на них бедствиями беженства, дороговизны, местами безработицы, ухудшения условий труда, развития болезней и эпидемий»⁷⁹, но и для

⁷⁹ Заявления рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета. 3 декабря 1915 г. // Большевики. Документы и материалы. 1903 – февраль 1917 гг. М., 1996. С. 406.

борьбы «за созыв Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, за немедленное осуществление всех гражданских свобод: слова, собраний, печати, союзов и коалиций, за отмену всех национальных ограничений, признание за всеми населяющими Россию народами права на национальное самоопределение, за немедленное переизбрание всех городских и земских учреждений на основе четырехчленной формулы, за широкое социальное законодательство, за 8-часовой рабочий день, за землю крестьянам и за немедленную амнистию по всем политическим и религиозным делам»⁸⁰. Любопытно, что подобные требования будут реализованы Временным правительством в первых же принятых им документах, но в тех условиях это повлечет лишь ускорение распада государственности.

Именно рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета сыграет главную роль в организации рабочих выступлений в Петрограде в 20-х числах февраля 1917 г.

Созданная же Гучковым военная организация сумела вовлечь в уличные волнения солдат запасных полков, действуя внушением или прямым подкупом.

Выступая 8 марта на торжественном заседании торгово-промышленных организаций, Гучков не скрывал своего удовлетворения действиями Центрального военно-промышленного комитета в прошедшие дни. По вполне понятным причинам он вынужден говорить намеками, но для посвященных в тайны «февральско-мартовской революции», было нетрудно эти намеки разгадать. «Господа, — вопрошал Александр Иванович своих сторонников в начале речи, — почему наши военно-промышленные организации сыграли ту роль, которая выпала на их долю за эти последние дни? Нет ли какого-нибудь противоречия, какой-нибудь невязки между основными задачами, которые поставила себе русская общественность, создавая два года тому назад военно-промышленные комитеты и раскинув громадную сеть в несколько сот организаций по всей России, и вот этим результатом, — этим участием наших организаций в событиях последних дней?» Ответ Гучкова был предопределен в его вопросе. «Два года тесно переплетенной работы с

⁸⁰ Там же. С. 408–409.

властью и ее органами, — сказал он, — окончательно убедили нас — всех руководителей нашей организации и всех наших сотрудников, — что при наличии этой власти победа для России невозможна, что надо включить в нашу программу сотрудничества в деле войны необходимость свергнуть эту власть, ибо только при этих условиях являлись шансы на победу. И вот, таким образом, деловая, спокойная, промышленная — хотя и военно-промышленная организация, задавшаяся скромной, честной, лояльной целью сотрудничества с властью, приняла ту боевую, вооруженную позицию, которую пришлось принять, чтобы выполнить нашу основную и заранее поставленную задачу — добиться победы... Мы не были революционной организацией, когда мы создавались; вы были не правы, когда преследовали нас — и организацию в ее совокупности, и отдельные группы наших членов и, наконец, отдельных наших членов, как преступников и революционеров. Но мы сделались таковыми: это вы нас такими сделали, потому что мы пришли к заключению, что только без вас Россию ждет победа. И вот каким образом мы, мирная, деловая, промышленная, хотя и военно-промышленная организация, вынуждены были включить в основной пункт нашей практической программы переворот, хотя и вооруженный»⁸¹.

Гучков не объяснил в своем выступлении, почему при сохранении на троне Николая II была невозможна победа России в союзе с Францией, Великобританией и готовившимися вступить в войну США над истощенными Германией и Австро-Венгрией. Не сказал он даже намеком и о том, что именно произошедший государственный переворот сделал победу России невозможной, хотя в то время уже явно догадывался об этом.

Генерал К.И. Глобачев, занимавший в февральские дни 1917 г. должность начальника Петроградского охранного отделения, быстро понял, что истинный характер деятельности Центрального военно-промышленного комитета, его настоящие, скрытые цели «далеко не были так благородны и патриотичны». В своих воспоминаниях Константин Иванович обратил внимание, что данный комитет, «созданный по мысли Гучкова и его товарища Коновалова», был

⁸¹ Вестник Временного правительства. 1917. № 5. 10 (23) марта. С. 2.

набран «из лиц, принадлежавших главным образом к оппозиционным и противоправительственным партиям», и, естественно, стал «той легальной возможностью, где можно было совершенно забронированно вести разрушительную работу для расшатывания государственных устоев, создать до известной степени один из революционных центров и обрабатывать через своих агентов общество и армию в нужном для себя политическом смысле»⁸².

Руководство политической полиции было хорошо осведомлено об истинных качествах А.И. Гучкова и настоящем характере его деятельности. Алексей Тихонович Васильев, занимавший с 1913 г. пост вице-директора, с 28 октября 1916 г. По 28 февраля 1917 г. директора Департамента полиции, вспоминал о ней в своих мемуарах: «В годы войны мои агенты наблюдали за Гучковым, и на основании рапортов, которые они мне посылали, я все более убеждался, что он является авантюристом, карьеристом и предателем. Дополнительная информация, которую я впоследствии получил от эмигрантов за границей, только подтвердила и усилила мое первое впечатление.

⁸² Глобачев К.И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения // Вопросы истории. 2002. № 7. С. 58. В качестве примера одного из способов антиправительственной пропаганды, применявшихся комитетом Гучкова, Глобачев привел следующий случай: «Рекламируя свою деятельность по снабжению армии, Комитет в то же время старался обесценить, очернить и скомпрометировать действия идентичных правительственных органов и создать такое впечатление в широких кругах, что единственным источником питания боевым снаряжением армии является общественная организация Центрального военно-промышленного комитета. Словом, не будь этого комитета, армия осталась бы без пушек, без ружей и без снарядов, то есть без всего того, что было главной причиной наших поражений в начале 1915 года. Например, для рекламирования своей продуктивной деятельности ЦВПК специально открыл в Сибири ящичный завод, изготавливающий ящики для боевого снаряжения, отправляемого на фронт. Ящики поставлялись почти на все заводы России, работавшие на оборону, и таким образом почти все боевое снаряжение, получаемое на фронте в ящиках с инициалами ЦВПК, создавало ложное понятие о необыкновенной продуктивности этой общественной организации, являющейся чуть ли не единственной полезной в деле снабжения армии. Когда же в 1916 г. были собраны статистические сведения о продуктивности изготовления боевого снаряжения для армии - казенных заводов, частных предприятий и ЦВПК, то оказалось, что главное количество боевого снаряжения производится по заказам правительства на казенных заводах, меньшая часть — частными предприятиями и только 0,4 % — по заказам ЦВПК. Вот какова была продуктивность пресловутой общественной организации» (Там же. С. 58–59).

Целью, к которой он стремился всеми возможными способами, было не процветание России, как можно было предположить, а всегда только его собственная выгода»⁸³.

На допросе в Чрезвычайной Следственной комиссии Временного правительства, состоявшемся 2 августа 1917 г., А.И. Гучков был довольно откровенен и признал, что подготовку государственного переворота он начал еще в 1915 г.⁸⁴ Характеризуя деятельность Центрального военно-промышленного комитета, он заметил, что «улучшение было очень серьезное, но оно касалось только частного вопроса, вопроса снабжения армии, в узком смысле этого слова. Что же касается организации самого личного состава высшего командования, то этот вопрос оставался в прежнем безнадежном виде. Те же самые влияния, которые хозяйничали в этих сферах до войны и в начале войны, продолжали хозяйничать и позднее, и целый ряд бездарных людей оставался у власти благодаря тому, что считался благонадежным с точки зрения политического строя, и целый ряд даровитых людей, в силу своего личного характера, отстранялся потому, что не вызывал к себе доверия в этих безответственных сферах. Таким образом, боевое снабжение улучшилось, а руководство армией осталось в прежнем виде. И затем безудержно расшатывалось состояние тыла. Вся экономическая жизнь страны катилась под гору, потому что та власть, которая должна была взять на себя организацию этого тыла, была и бездарна, и бессильна. В этот-то момент для русского общества, по крайней мере, для многих кругов русского общества и, в частности, для меня стало ясно, что как во внутренней жизни пришли мы к необходимости насильственного разрыва с прошлым и государственного переворота, так и в этой сфере, в

⁸³ Васильев А.Т. Охрана: Русская секретная полиция // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 2. М., 2004. С. 453.

⁸⁴ По некоторым свидетельствам, А.И. Гучков еще в марте 1914 г. заявил на одном обеде: «Война в это лето начнется обязательно... Мы это предусмотрели... и устроим так, что оба императора (русский и германский) очутятся перед *fait accompli*... Ликвидация династии будет величайшим благом для России» (Историческая справка об участии масонства в организации революционных движений // Двуглавый орел. 1922. Вып. 31. 1 (14) июня. С. 26). Если русский политик-предприниматель действительно это сказал, то можно не сомневаться в его теснейшей связи с масонской организацией, поставившей своей целью уничтожение исторически сложившейся, традиционной России.

сфере ведения войны и благополучного ее завершения, мы поставлены в то же положение. Идти прежним путем, значит привести войну к полной неудаче, может быть, не в форме какой-нибудь внезапной катастрофы, но в форме, я бы сказал, тягучего процесса изнурения страны, понижения одушевления и завершения всего этого плачевным бессилием, плачевной капитуляцией. Как в вопросах внутренней политики надо было руководящим классам прибегнуть к новым приемам, так и в вопросе ведения войны надо было ясно сознать, что рука об руку с существующей властью мы к победе не придем. **Нужно было стать на путь государственного переворота**»⁸⁵ (выделено мною. — В.Т.).

Это задокументированное следователем Чрезвычайной Следственной комиссии признание А.И. Гучкова выдавало в нем неистового, не считающегося с подлинными интересами своей страны революционера. По свидетельству людей, тесно с общавшихся с Гучковым, он как настоящий революционер пылал личной и самой лютой ненавистью к своему государю, так что готов был на его свержение с престола буквально любой ценой. Есть свидетельство, что на возражение, что не следует затевать заговоры во время войны, поскольку даже неудавшаяся попытка его может посеять хаос и отдалить победу, он однажды твердо ответил: «Черт с ней, с победой, лишь бы скинуть царя!»⁸⁶

В 1915 г. Александр Иванович самоуверенно объявил: «Если я не умру раньше, я сам арестую Царя!» И что же данное пророчество сполна исполнилось: Гучков оказался в числе тех, кто принял из рук Николая II акт отречения от императорского престола. Интересно, понял он хотя бы перед уходом в мир иной, что данный акт был ничем иным, как **свидетельством о смерти Российской империи**, а лично для него — **билетом в вечное изгнание и несмыаемый позор**.

А.Т. Васильев был мудрым человеком — недаром возглавлял в самые трудные для России годы Департамент полиции. Переписку

⁸⁵ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. В Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства / Под ред. П.Е. Щеголева. Т. 6. М., 1926. С. 260.

⁸⁶ Цит. по: *Палей О.В.* Воспоминания: с прил. писем, дневника и стихов ее сына Владимира / Пер. с франц. М., 2005. С. 10.

между главными заговорщиками: А.И. Гучковым, П.Н. Милюковым, М.В. Родзянко, М.В. Алексеевым, Н.В. Ружским, которую ему надлежало регулярно просматривать по роду службы, он читал с чрезвычайным удивлением. «Тон, принятый у этих людей, просто изумлял, — восклицал Алексей Тихонович в своих мемуарах; — для них было само собой разумеющимся говорить о необходимости “изменений в государственном строе”. Ни в одной другой из воюющих стран этого не могло случиться. Везде, даже в Германии, все партии объединяло желание сначала победоносно завершить войну, а затем проводить внутренние реформы. Но в России, в то время когда положение было критическим, люди все меньше и меньше думали о войне и все больше и больше о политическом перевороте. Между тем блокада привела Германию на край гибели, и поэтому надежды на победу союзников представлялись весьма реальными»⁸⁷.

Россия была самой свободной страной из всех воевавших в то время держав — настолько свободной, что люди, ею правившие, и богатеи-«миллионщики», державшие в руках почти все ее материальное богатство, позволяли себе быть не только тиранами и угнетателями, но одновременно также революционерами — борцами с тиранией и угнетением.

V

Самое поразительное в русской государственной катастрофе, называемой февральско-мартовской революцией 1917 года, — это бездумность и легкость, с которыми главные ее участники принимали судьбоносные для страны решения. И заговорщики, и государь действовали в критические моменты, руководствуясь более эмоциями и мифами, нежели здравым смыслом и точным знанием реальной обстановки. Они старались уверить себя и других, что действуют во благо России, однако поступки, которые ими совершались, оказывались по какой-то роковой закономерности предельно губительными для страны.

Губительным было решение об отстранении Николая II от верховной государственной власти. Заговорщики предполагали сначала добиться этой цели путем создания правительства,

⁸⁷ Васильев А.Т. Охрана: Русская секретная полиция // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 2. М., 2004. С. 470.

ответственного перед Государственной думой, но столкнувшись с нежеланием Николая II пойти в этом вопросе на уступки⁸⁸, решили добиваться его отречения от престола. При этом они почему-то решили, что данное отречение может состояться только в пользу сына императора великого князя цесаревича Алексея Николаевича и были уверены, что смена монарха не только не разрушит государство, но даже укрепит его.

В действительности же полная бессмысленность и чрезвычайная опасность дворцового переворота была очевидной. На это указывал лидер московского отделения Конституционно-демократической партии князь П.Д. Долгоруков в составленной им 16 января 1917 г. записке об оценке кадетами переживаемого момента. «России необходимо ответственное министерство, ибо только оно одно может спасти и страну, и престол от различных безответственных влияний и темных сил»⁸⁹, — утверждал он в первом пункте этого документа. Князь выражал мнение о том, что только ответственное министерство может избавить государыню Александру Федоровну от «тяжкого и, весьма вероятно, беспочвенного обвинения» в активном пособничестве Германии. В шестом и седьмом пунктах своей записки

⁸⁸ Незадолго до своей казни большевиками Н.В. Рузский рассказывал генералу С.В. Вильчковскому о реакции Николая II на предложение дать стране правительство, ответственное перед Государственной думой: «Основная мысль государя была, что он для себя в своих интересах ничего не желает, ни за что не держится, но считает себя не в праве передать все дело управления Россией в руки людей, которые сегодня, будучи у власти, могут нанести величайший вред родине, а завтра умоют руки, “подав с кабинетом в отставку”. “Я ответственен перед Богом и Россией за все, что случилось и случится, — сказал государь, — будут ли министры ответственны перед Думой и Государственным советом — безразлично. Я никогда не буду в состоянии, видя, что делается министрами не ко благу России, с ними соглашаться, утешаясь мыслью, что это не моих рук дело, не моя ответственность” ... Государь перебирал с необыкновенной ясностью взгляды всех лиц, которые могли бы управлять Россией в ближайшие времена в качестве ответственных перед палатами министров, и высказывал свое убеждение, что общественные деятели, которые несомненно составят первый же кабинет, все люди совершенно неопытные в деле управления и, получив бремя власти, не сумеют справиться с своей задачей» (Рузский Н.В. Пребывание Николая II в Пскове 1 и 2 марта 1917 г. (беседы с генералом С.В. Вильчковским) // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. Документы. Л., 1927. С. 150–151).

⁸⁹ Записка князя Долгорукого об оценке к.-д. текущего момента // Центрархив. 1917 год в документах и материалах. Буржуазия накануне февральской революции / Подготовила к печати Б.Б. Граве. М.-Л., 1927. С. 163.

князь П.Д. Долгоруков счел необходимым заявить: «Если государь не вступит добровольно на путь создания ответственного министерства, то перед нами, судя по последним настроениям семьи Романовых, встанет грозная опасность дворцового переворота со стороны людей, не желающих быть под началом истеричной, но более сильной, чем государь, женщины. Эта опасность дворцового переворота тем реальнее, что теперь нет даже среди правых, которым эта ужасная война открыла глаза на истинную сущность нашей безответственной власти, компактного ядра противников ответственного министерства... Между тем дворцовый переворот не только нежелателен, а скорее гибелен для России, так как *среди дома Романовых нет ни одного, кто мог бы заменить нашего государя*. Вот почему дворцовый переворот не может дать никого, кто явился бы общепризнанным преемником монархической власти на русском престоле. А раз это так, то дворцовый переворот не только не внесет умиротворение, а, наоборот, заставит нас, убежденных конституционных монархистов, встать на сторону республиканского строя»⁹⁰ (курсив мой. – В.Т.).

Мнение князя П.Д. Долгорукого о том, что смещение Николая II с престола приведет к крушению монархии и создаст угрозу существованию России опиралось на реальную оценку политической ситуации, сложившейся в Императорском Доме. Но заговорщики были настолько поглощены стремлением лишить царствующего императора верховной государственной власти, что добиваясь достижения этой цели, вовсе не думали о последствиях своих действий. Генералы и политики, участвовавшие в заговоре против своего государя, вполне понимали, что государственный переворот в условиях, когда Россия вела тяжелейшую войну с тремя могущественными империями: Германской, Австро-Венгерской и Османской, являлся чрезвычайно рискованной операцией, поскольку создать мало-мальски легитимное в глазах населения новое правительство взамен царского было в тех обстоятельствах почти невозможно. Тем не менее они пошли на свержение Николая II с престола. Объясняя это решение, П.Н.Милюков сделал следующее в высшей степени удивительное признание: «Мы знали, что весной

⁹⁰ Там же. С. 164.

предстояли победы Русской армии. В таком случае престиж и обаяние Царя в народе снова сделались бы настолько крепкими и живучими, что все наши усилия расшатать и свалить престол Самодержца были бы тщетны. Вот почему и пришлось прибегнуть к скорейшему революционному взрыву, чтобы предотвратить эту опасность»⁹¹.

Это признание многое раскрывает в мотивах поведения заговорщиков. Из него видно, что интересы отечества и государства российского они открыто приносили в жертву своему желанию свергнуть Николая II с престола. Ведь если уважение к царю восстанавливалось в русском народе, снова делалось крепким и живучим, то значит укреплялось и государство. Зачем же в таком случае вызывать революцию, взрывающую монархию? Очевидно, что надобно было просто ждать, содействовать естественному развитию государственного строя Российской империи, которое явно шло в направлении большего участия общества в управлении страной и соответственно к созданию правительства, ответственного не только перед императором, но и перед Государственной Думой.

И.И. Тхоржевский, служивший в 1906–1916 гг. в Министерстве земледелия, а после революции живший в эмиграции, в своих воспоминаниях об А.И. Гучкове и февральско-мартовской революции, написанных в 1936 г., высказал много критических слов о Николае II. *«Самодержавие, – справедливо укорял он царя, – портило наш правящий бюрократический класс, воспитывая не государственных людей, а угодников и карьеристов»*⁹². И сам государь, и в особенности его истеричная и не слишком умная супруга, неспособная понять какое раздражение вызывает в обществе ее вмешательство в государственные дела, совершали немало таких поступков, которые порождали недовольство со стороны различных общественных слоев. Но все это не мешало успешному развитию России, которое прервала только Первая мировая война. Поэтому И.И. Тхоржевский был убежден, что нельзя было свергать царя. *«Необходимо было, – утверждал он, – дотянуть до военных успехов (к чему уже дело и шло). Военное сопротивление немцам было все-таки гораздо возможнее при старом строе, нежели*

⁹¹ Цит. по: *Великоросс. Историческая справка об участии масонства в организации революционных движений // Двуглавый орел. 1922. Вып. 31. 1 (14) июня. С. 27.*

⁹² *Тхоржевский И.И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 150.*

после его крушения. А со штатскими — пускай необходимыми — переменами следовало потерпеть... И, во всяком случае, лишь в состоянии крайнего нетерпения, даже идя внутренне на дворцовый переворот, думские политики должны были бы сознавать, что взбунтовать — для сведения политических счетов с монархией — тылового неизвестного солдата, попросту не желавшего воевать, было с их стороны безумием. Непростительной переоценкой собственных сил. Любой министр и общественный деятель мог быть семи пядей во лбу. Мог быть (и бывал!) куда умнее и энергичнее Государя. Мог он, допустим, и выходить из себя иной раз, при соприкосновении с царским двором...

Но все-таки! Надо же было сознавать, что “мистики”, окружавшей историческую царскую власть, за несколько месяцев не создашь! И уж никак не заменишь личной, собственной талантливостью.

Когда свергли царскую власть, некому стало не только служить, но некому и быть в оппозиции. Гениальные общественные деятели и министры полетели — все! — от пинка солдатского сапога»⁹³.

Любопытно, что технология государственного переворота была продумана его режиссером до мельчайших деталей. Поэтому операция по отстранению Николая II от престола была осуществлена на удивление легко.

Чтобы уличные народные волнения в Петрограде не были подавлены в своем зародыше, заговорщикам необходимо было устроить накануне их начала отъезд императора из Царского Села в Могилев. Им удалось сделать. Вечером в воскресенье 19 февраля 1917 г. Николай II сообщил дворцовому коменданту В.Н. Воейкову, что решил в среду ехать в Ставку. Владимир Николаевич, полагая, что момент этот неподходящий для отъезда государя из столицы, спросил его величество, почему он именно теперь принял такое решение, когда на фронте, по-видимому, все спокойно, а в столице спокойствия мало и его присутствие здесь было бы весьма важно. По воспоминаниям Воейкова, «государь на это ответил, что на днях из Крыма вернулся генерал Алексеев, желающий с ним повидаться и переговорить по некоторым вопросам; касательно же здешнего положения Его Величество находил, что, по имеющимся у министра

⁹³ Там же. С. 133–134.

внутренних дел Протопопова сведениям, нет никакой причины ожидать чего-нибудь особенного»⁹⁴. Поэтому получилось так, что в среду 22 февраля император покинул Царское Село и отправился в Ставку, а в четверг 23-го в Петрограде начались забастовки и уличные демонстрации, вылившиеся спустя три дня в массовые волнения населения с участием солдат запасных полков. Вечером в этот день императорский поезд прибыл в Могилев.

Первое сообщение начальника Петроградского военного округа генерала Хабалова о беспорядках на столичных улицах было получено в Ставке вечером 25 февраля и передано государю 26 февраля. Время для принятия решительных мер против бунтовщиков было упущено.

Телеграммы Хабалова и Родзянко из Петрограда о перерастании волнений в массовые беспорядки были получены в Ставке соответственно в полдень и вечером 26 февраля. Государь был ознакомлен с ними на следующий день. Сообщая о том, что волнения в Петрограде принимают угрожающие размеры, председатель Государственной думы М.В. Родзянко высказал мнение о том, что необходимым и единственным выходом из создавшегося положения является «безотлагательное призвание лица, которому может верить вся страна и которому будет поручено составить правительство, пользующееся доверием всего населения»⁹⁵.

После полудня 27 февраля в Ставке узнали о начале в Петрограде военного мятежа. В 13 часов 5 минут на имя императора поступила новая телеграмма Родзянко. Ее содержание не оставляет сомнений в том, что председатель Государственной думы приступил к осуществлению плана психологического давления на Николая II. «Повелите немедленно, — говорилось в этой телеграмме, — призвать новую власть на началах, доложенных мною вашему величеству во вчерашней телеграмме... Государь, не медлите. Если движение перебросится в армию, восторжествует немец, и крушение России, а с ней и династии неминуемо. От имени всей России прошу ваше

⁹⁴ Воейков В.Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995. С. 217.

⁹⁵ Телеграмма председателя Государственной Думы Родзянко генералу Алексееву 26 февраля 1917 г. // Красный архив. 1927. Т. 2 (21). С. 6.

величество об исполнении изложенного. Час, решающий судьбу вашу и родины, настал. Завтра может быть уже поздно»⁹⁶.

Ранним утром 28 февраля император Николай II покинул могилевскую Ставку и отправился поездом в Петроград. Так начался главный акт «февральско-мартовской революции». По сюжету разыгрывавшейся драмы надлежало не просто воспрепятствовать приезду государя в столицу, но сделать так, чтобы императорский поезд остановился в Пскове, где находился штаб одного из главных заговорщиков командующего Северным фронтом генерал-адъютанта Н.В. Рузского.

Выполнение этой сложной задачи было возложено на депутата Государственной Думы, а по специальности инженера путей сообщения А.А. Бубликова. Утром 28 февраля он получил от председателя Государственной Думы М.В. Родзянко поручение на взятие под контроль ее Временного комитета российских железных дорог и связанной с ними телеграфной сетью. Явившись в сопровождении солдат в министерство путей сообщения в качестве комиссара, представителя новоявленной власти, Бубликов занял кабинет начальника управления железных дорог и стал вместо него распоряжаться железнодорожным движением. Вечером того же дня он направил служащим железных дорог телеграмму о переходе верховной государственной власти к Комитету Государственной Думе и о том, что они призываются «к великой работе на пользу свободной ныне страны»⁹⁷.

На самом деле Государственная Дума не брала власть и революция еще не победила, но в суматохе тогдашних событий мало кто на местах усомнился в правдивости телеграммы Бубликова. Полный ее текст гласил: «По поручению Комитета Государственной Думы я сего числа занял Министерство Путей Сообщения. Объявляю следующий приказ Председателя Государственной Думы:

Железнодорожники! Старая власть, создавшая разруху всех отраслей государственного управления, оказалась бессильной. Государственная Дума взяла в свои руки власть. Обращаюсь к вам от имени Отечества: от вас зависит теперь спасение Родины, она от вас

⁹⁶ Телеграмма Родзянко царю 27 февраля 1917 г. // Там же. С. 6–7.

⁹⁷ Бубликов А.А. Русская революция (ее начало, арест царя, перспективы). Впечатления и мысли очевидца и участника. Нью-Йорк, 1918. С. 24.

ждет более чем исполнения долга, она ждет подвига. Движение поездов должно производиться непрерывно с двойной энергией. Слабость, недостаточность техники на русской сети должна быть покрыта вашей беззаветной энергией и любовью к родине и сознанием важности транспорта для войны и благоустройства тыла. Председатель Государственной Думы Родзянко – член вашей семьи и твердо верит, что вы сумеете ответить на этот призыв и оправдать надежду на вас нашей родины. Все служащие должны оставаться на своем посту. Член Государственной Думы – Бубликов»⁹⁸.

Помощник А.А. Бубликова железнодорожник и ученый Ю.В. Ломоносов, приведя в своих мемуарах текст этой телеграммы, заметил, что она «сыграла решающую роль: к утру 1-го марта, т.е. за два дня до отречения Николая, вся Россия, или по крайней мере та часть её, которая лежала не дальше 10–15 верст от железных дорог, узнала, что в Петрограде произошла революция. От боевого фронта до Владивостока, от Мурманска до Персидской границы, на каждой станции получилась эта телеграмма. Сомнений не было. Старая власть пала; новая родилась. После этого отречение Николая и Михаила казалась второстепенной формальностью. Из телеграммы Бубликова все знали, что уже 28 февраля власть фактически была в руках Думы. Было ли так на самом деле? Конечно нет. Бубликов поступил, как Бисмарк с Эмсской депешей – он подправил действительность. Этим он оказал громадную, еще не признанную услугу русской революции, и в то же время задержал ее естественное течение, окружив Думу совершенно незаслуженным ореолом»⁹⁹.

Императорский поезд в это время безуспешно пытался пробиться к Петрограду через Бологое. Позднее в своих воспоминаниях, изданных в 1918 г. в Нью-Йорке, А.А. Бубликов написал, что узнав, где царь, «сейчас же отдал распоряжение, чтобы его не пускали севернее линии Бологое-Псков, разбирая рельсы и стрелки, если он вздумает проезжать насильно»¹⁰⁰.

А.И. Спиридович, занимавший с августа 1916 г. должность Ялтинского градоначальника, находился в конце февраля 1917 г. в

⁹⁸ Красный архив. 1927. Т. 2 (21). С. 32–33.

⁹⁹ Ломоносов Ю.В. Воспоминания о Мартовской Революции 1917 г. Стокгольм, Берлин, 1921. С. 27.

¹⁰⁰ Бубликов А.А. Русская революция (ее начало, арест царя, перспективы). С. 24.

командировке в Петрограде и самолично наблюдал происходившие там роковые события. В своих воспоминаниях он раскрыл, как было взято под контроль заговорщиков из Государственной Думы движение императорского поезда. По его сведениям, последний оплот царской власти в Петрограде пал к полудню 28 февраля, когда остатки верных государю воинских частей, засевшие в Адмиралтействе, по решению генералов, прекратили свое сопротивление. Мятежники начали праздновать победу, но при этом, отмечал Спиридович, «все в Думе нервничают и боятся. Боятся возвращения Государя, боятся прихода войск с фронта. Вот почему овладеть всей сетью железных дорог, помешать движению императорских поездов делается очередной задачей революции.

За выполнение ее, по собственной инициативе, хотя и с согласия Родзянко, взялся член Думы инженер Бубликов». Разослав железнодорожникам телеграммы о запрете движения «каких-либо воинских поездов в районе 250 верст кругом Петрограда», он вызвал из Царского Села служащего министерства путей сообщения инженера Ломоносова. По словам Спиридовича, «Бубликов предложил ему служить революционному правительству. Ломоносов согласился и Бубликов поручил ему установить место нахождения императорских поездов и взять их движение в свои руки, чтобы поступить с ними, как прикажет Временный Комитет. Это было около 11 часов вечера. Не прошло и часу как Ломоносов вошел в связь с начальством Николаевской, Северо-Западной и Московско-Виндавской железных дорог, по которым должны были следовать императорские поезда. Он отдавал приказания. Все слушались»¹⁰¹.

В результате заговорщикам удалось направить императорский поезд в Псков и задержать его там на время необходимое, чтобы добиться от Николая II отречения от престола. Эту меру А.А. Бубликов считал решающей в свержении царя с трона. «28-го февраля я первый взял из его ослабевших рук государственную власть, — патетически заявлял Александр Александрович в своих мемуарах. — Ощути он тогда хотя малейший прилив энергии и я был бы на виселице. Ведь в Петербурге была такая неразбериха, Петербургский гарнизон уже тогда был настолько деморализован, на “верхах” так

¹⁰¹ Спиридович А.И. Великая Война и Февральская Революция 1914-1917 гг. В 3-х книгах. Кн. 3. Нью-Йорк. 1962. С. 195.

мало было толку, порядка и действительно властной мысли, что достаточно было одной дисциплинированной дивизии с фронта, чтобы восстание в корне было подавлено. Больше того, его можно было усмирить даже простым перерывом железнодорожного сообщения с Петербургом: голод через три дня заставил бы Петербург сдаться. Мне это, сидя в министерстве путей сообщения, было особенно ясно видно»¹⁰².

Сам Николай II рассчитывал прибыть в Царское Село в половине девятого утра 1 марта. Великий князь Павел Александрович, зная от императрицы о времени прибытия на станцию императорского поезда, поехал встречать его величество, однако вскоре вернулся в крайней тревоге, сообщив своей супруге княгине О.В. Палей, что государь не приехал, поскольку «на полпути из Могилева в Царское революционеры во главе с Бубликовым остановили царский поезд и направили его на Псков»¹⁰³.

И действительно, как и было задумано заговорщиками, около восьми часов вечера 1 марта государь оказался в Пскове. Операция заговорщиков по его принуждению к освобождению царского трона вступила в заключительную фазу.

1 марта в 22 часа 20 минут Николаю II была передана телеграмма от начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал-адъютанта М.В. Алексеева, в которой уверенно заявлялось: «Ежеминутно растущая опасность распространения анархии по всей стране, дальнейшего разложения армии и невозможность продолжения войны при создавшейся обстановке настоятельно требуют немедленного издания высочайшего акта, могущего еще успокоить умы, что возможно только путем призвания ответственного министерства и поручения составления его председателю Государственной Думы»¹⁰⁴. К этим словам прилагался проект соответствующего манифеста. Однако он не понадобился. В Государственной думе в этот день уже было принято решение о том, чтобы добиваться отречения Николая II от престола. Именно поэтому

¹⁰² Бубликов А.А. Русская революция (ее начало, арест царя, перспективы). С. 58.

¹⁰³ Палей О.В. Мои воспоминания о русской революции // Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. Февральская революция. М.-Л., 1926. С. 351.

¹⁰⁴ Телеграмма генерала Алексеева царю 1 марта 1917 г. // Красный архив. 1927. Т. 2 (21). С. 53.

М.В. Родзянко в состоявшемся 1 марта телефонном разговоре с главнокомандующим армиями Северного фронта генерал-адъютантом Н.В. Рузским сказал, что «манифест запоздал». А на прямой вопрос генерала «скажите ваше мнение, нужно ли выпускать манифест» ответил весьма уклончиво: «Я право, не знаю, как вам ответить. Все зависит от событий, которые летят с головокружительной быстротой»¹⁰⁵.

2 марта в 14 часов 30 минут в императорский поезд были переданы из Ставки телеграммы командующих фронтами, в том числе и великого князя Николая Николаевича, в которых выражалось мнение о том, что единственным средством прекратить революцию, спасти родину и династию является отказ императора от престола в пользу наследника цесаревича Алексея при регентстве великого князя Михаила. Это было в высшей степени странное выступление: командующие фронтами призывали государя и верховного главнокомандующего вооруженными силами страны отказаться от власти для того, чтобы успокоить взбунтовавшихся в столице обывателей и солдат запасных полков¹⁰⁶. Почему они думали, что этот бунт опасен для государства? И почему решили, что ликвидация легитимной верховной государственной власти является в этих условиях единственным выходом?

Неудивительно, что именно этот шаг заговорщиков сильнее всего подтолкнул Николая II к принятию рокового для себя, своей семьи и судьбы России решения отречься от престола.

Около 10 часов вечера 2 марта в Псков прибыли из Петрограда принимать отречение от имени Государственной думы А.И. Гучков и В.В. Шульгин. Согласно протоколу отречения, составленному генералом К.А. Нарышкиным, Гучков сообщил императору, что в создавшихся условиях единственный путь спасения России, монархического принципа и династии «это передать бремя верховного правления в другие руки». «Если вы, Ваше Величество, объявите, что передаете свою власть вашему маленькому сыну, если вы передадите регентство великому князю Михаилу Александровичу или от имени регента будет поручено образовать новое правительство, тогда может быть, будет спасена Россия.. Вот, Ваше

¹⁰⁵ Там же. С. 59.

¹⁰⁶ Красный архив. 1927. Т. 2 (21). С. 72-74.

Величество, только при этих условиях можно сделать попытку водворить порядок»¹⁰⁷. Выслушав сбивчивую речь заметно волновавшегося Гучкова, государь сказал: «Ранее вашего приезда после разговора по прямому проводу генерал-адъютанта Рузского с председателем Государственной думы, я думал в течение утра, и во имя блага, спокойствия и спасения России я был готов на отречение от престола в пользу своего сына, но теперь, еще раз обдумав свое положение, я пришел к заключению, что в виду его болезненности мне следует отречься одновременно и за себя и за него, так как разлучаться с ним не могу»¹⁰⁸. За двадцать минут до полуночи 2 марта Николай II передал Гучкову и Шульгину исправленный текст манифеста о своем отречении, подписав одновременно с ним указы Правительствующему Сенату о назначении председателем Совета министров князя Г.Е. Львова, а верховным главнокомандующим великого князя Николая Николаевича. Так как решение об отречении было принято Николаем II в 3 часа дня, то и эта цифра и была поставлена в манифесте при его подписи.

Отречение Николая II от императорского престола было отречением от священной обязанности и уже по одной этой причине незаконным. **Можно отречься от прав, но нельзя отречься от долга, тем более царского, священного.** Николай же отрекался не только за себя, но еще и за сына своего, что усугубляло беззаконие его поступка. Брат же его Михаил не имел никаких законных оснований принимать переданный ему старшим братом-венценосцем царский трон, и у народа были соответственно причины не признавать его новым царем. Выход, который предложили ему заговорщики, был в сущности единственным — он просто напрашивался, а именно: опереться на волеизъявление народа. 3 марта великий князь Михаил Александрович подписал акт, в котором заявил, что «принял твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, чрез представителей своих в Учредительном собрании,

¹⁰⁷ Протокол отречения Николая II // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. Документы. Л., 1927. С. 218.

¹⁰⁸ Там же.

установить образ правления и новые основные законы государства российского»¹⁰⁹.

4 марта 1917 г. Акт об отречении Государя Императора Николая II от престола Государства Российского в пользу великого князя Михаила Александровича и Акт об отказе великого князя Михаила Александровича от восприятия верховной власти и о признании им всей полноты власти за Временным Правительством, возникшим по почину Государственной Думы, были опубликованы для всеобщего сведения. 5 марта тексты этих документов появились на первой странице «Вестника Временного правительства»¹¹⁰. Государственный переворот завершился полным успехом. Заговорщики добились своей главной цели — отстранения Николая II от верховной государственной власти. Казалось бы они должны были торжествовать, но никакого праздника в их стане не наблюдалось. Отречение государя от престола в пользу великого князя Михаила Александровича спутало все замыслы заговорщиков. Им не удалось создать правительство, освященное авторитетом вековой монархической власти, и легитимное в глазах населения. Отсутствие необходимой легитимности у правительства заговорщиков хорошо выражало его определение как «временного». Обреченность такого правительства раньше всех осознали Гучков и Милюков, поэтому побыв недолго министрами, без сожаления расстались с властью. А председателя Государственной думы Родзянко до власти не допустил Совет рабочих депутатов.

Просчитались и генералы, предавшие своего государя: они не понимали, что армия подчинялась им только потому, что над ними был царь. Не стало царя, и армия решила, что повиноваться больше некому.

В телефонном разговоре с Гучковым, состоявшемся вечером 3 марта, после того, как стало известно об отказе великого князя Михаила Александровича взойти на престол до решения Учредительным собранием вопроса о форме правления, генерал

¹⁰⁹ Акт об отказе Великого Князя Михаила Александровича от восприятия верховной власти и о признании им всей полноты власти за Временным Правительством, возникшим по почину Государственной Думы // Вестник Временного правительства. 1917. № 1. 5 (18) марта. С. 1.

¹¹⁰ См.: Вестник Временного правительства. 1917. № 1. 5 (18) марта. С. 1.

Алексеев не скрывал своих опасений за судьбу армии и России. «Неужели нельзя было убедить великого князя принять временно до созыва Собрания власть? — взывал он к разуму Гучкова. — Это сразу внесло бы определенность в положение России вообще в серьезный для данной минуты отношения к союзникам, а главное — явилось бы отличным способом влиять на настроение армии... Трудно предусмотреть, как примет стоящая в окопах масса манифест третьего марта. Разве не может она признать его вынужденным со стороны? Теперешнюю действующую армию нужно беречь и беречь от всяких страстей в вопросах внутренних. Ведь теперешний Петроградский гарнизон, разложившийся нравственно, бесполезен для армии, вреден для государства, опасен для Петрограда. От этого нам нужно сохранить все части действующей армии, ибо жестокая борьба еще далеко не закончена, и каждый борец необходим отечеству. Хотя бы непродолжительное вступление на престол великого князя сразу внесло бы и уважение к воле бывшего государя и готовность великого князя послужить своему отечеству в тяжелые переживаемые им дни. Уверен, что на армию это произвело бы наилучшее бодрящее впечатление, а ведь в этом теперь залог успешного решения важнейшей государственной задачи»¹¹¹.

Стремясь к отстранению Николая II от верховной государственной власти, вопреки действующим основным законам, нарушая данную его величеству присягу, заговорщики рассчитывали, что уходя с царского трона, он позаботится о законности процедуры передачи власти и о легитимности нового правительства, оставив на троне для придания авторитета новым властителям своего сына. Услышав от Николая II вечером 2 марта, что его величество отрекается и за себя, и за своего сына, Гучков растерянно пробормотал: «Мы учли, что облик маленького Алексея Николаевича был бы смягчающим обстоятельством при передаче власти»¹¹². Он явно не ожидал такого поворота в своем перевороте.

Свержение императора Николая II с престола повлекло за собой не появление нового монарха, а полную ликвидацию в России

¹¹¹ Разговор по прямому проводу ген. Алексеева с Гучковым 3 марта 1917 г. // Красный архив. 1927. Т. 3 (22). С. 38.

¹¹² Протокол отречения. С. 218.

монархии. Поскольку же аристократия, дворянство, духовенство, буржуазия — все правящие круги Российской империи — были неразрывно с монархией связаны, жили с нею и за счет нее, то крушение монархии стало крахом для всего высшего слоя российского общества.

Парадоксально, но именно представители этого слоя больше всего приложили усилий, чтобы погубить монархию. «Трон Романовых пал не под напором предтеч советов или же юношей-бомбистов, — отмечал в своих мемуарах великий князь Александр Михайлович, — но носителей аристократических фамилий и придворных званий, банкиров, издателей, адвокатов, профессоров и др. общественных деятелей, живших щедротами Империи. Царь сумел бы удовлетворить нужды русских рабочих и крестьян; полиция справилась бы с террористами. Но было совершенно напрасным трудом пытаться угодить многочисленным претендентам в министры, революционерам, записанным в шестую книгу российского дворянства, и оппозиционным бюрократам, воспитанным в русских университетах.

Как надо было поступить с теми великосветскими русскими дамами, которые по целым дням ездили из дома в дом и распространяли самые гнусные слухи про царя и царицу? Как надо было поступить в отношении тех двух отпрысков стариннейшего рода князей Долгоруких, которые присоединились к врагам монархии? Что надо было сделать с ректором Московского университета, который превратил это старейшее русское высшее учебное заведение в рассадник революционеров! Что следовало сделать с графом Витте, возведенным Александром III из простых чиновников в министры, специальностью которого было снабжать газетных репортеров скандальными историями, дискредитировавшими царскую семью? Что следовало сделать с нашими газетами, которые встречали ликованиями наши неудачи на японском фронте? Как надо было поступить с теми членами Государственной Думы, которые с радостными лицами слушали сплетни клеветников, клявшихся, что между Царским Селом и Ставкой Гинденбурга существовал беспроволочный телеграф? Что следовало сделать с теми командующими вверенных им царем армий, которые интересовались нарастанием антимонархических стремлений в тылу армии более,

чем победами над немцами на фронте? Описание противоправительственной деятельности русской аристократии и интеллигенции могло бы составить толстый том, который следовало бы посвятить русским эмигрантам, оплакивающим на улицах европейских городов “доброе старое время”»¹¹³.

Два явления определяют существо великих революций, составляют роковые их символы: *свобода* и *смерть*. Сокрушая старый государственный строй и соответствующий ему правопорядок, освобождая индивидов от ветхих форм социально-политической жизни, революционеры одновременно разрушают сложившуюся в течение веков систему обуздания человеческих пороков. Свобода превращается таким образом в свободу зла, убивающую своим ядом человечность в человеке, социальность в обществе, государственность в государстве. Как следствие возникает гражданская война — война всех против всех. Самая страшная из всех войн. Подобный ход и смысл событий мы видим и в английской революции 1640–1660 гг., и в Великой французской революции 1789–1795 гг.

Февральско-мартовская революция 1917 г. в России стала еще одним проявлением этой роковой закономерности. Она была результатом полного разложения всего высшего слоя Российской империи, включая династию Романовых, дворянство, буржуазию, духовенство, интеллигенцию, правительство и либеральную оппозицию. Именно поэтому крушение монархии вылилось в разрушение государства как такового и сделало неизбежным скатывание общества к гражданской войне. Восстановить государство в условиях, когда высший общественный слой предельно дискредитировал себя в глазах населения, проявил себя совершенно неспособным управлять страной, можно было только на принципиально новых началах и сделать это могла только новая сила, способная опереться на народную стихию и использовать ее для возрождения России как полноценного государства и единой страны.

¹¹³ Александр Михайлович, вел. князь. Книга воспоминаний. Париж, 1933. С. 196–197.